

ЦИФРОНОТИЖОН

АНТОЛОГИЯ ТЕХНОГЕННОЙ МИСТИКИ

Бурноев Бурноева Васильев Вереснев Гармашев Гелприн Гротов Дашков Дивов Дяченко Жанганов Клинин
Ленская Марченко Минаков Наутов Олди Рыженкова Рытминов Хорсун Чектаев Шатохина Ясинская

Антологии (Снежный ком)

Андрей Дашков

Цифрономикон (сборник)

«Снежный Ком»

2014

Дашков А. Г.

Цифрономикон (сборник) / А. Г. Дашков — «Снежный Ком»,
2014 — (Антологии (Снежный ком))

Житель современного мегаполиса не может обойтись без многочисленных электронных гаджетов и постоянного контакта с Сетью. Планшеты, смартфоны, твиттер и инстаграмм незаметно стали непременными атрибутами современного человека. Но что если мобильный телефон – не просто средство связи, а вместилище погибших душ? Если цифровой фотоаппарат фиксирует будущее, а студийная видеокамера накладывает на героя репортажа черную метку смерти? И куда может завести GPS-навигатор, управляемый не заложенной в память программой, а чем-то потусторонним? Сборник российско-казахстанской техногенной мистики, идея которого родилась на Первом конгрессе футурологов и фантастов «Байконур» (Астана, 2012), предлагает читателям задуматься о месте технических чудес в жизни человечества. Не слишком ли электронизированной стала земная цивилизация, и что может случиться, если доступ к привычным устройствам в наших карманах и сумках получит кто-то недобрый? Не хакер, не детективное агентство и не вездесущие спецслужбы. Вообще НЕ человек?

© Дашков А. Г., 2014

© Снежный Ком, 2014

Содержание

Людены бывают разные	6
Москва – Астана	8
Иван Наумов	8
Андрей Дашков. ПРИЗРАКИ ДЕТСТВА	55
Г. Л. Олди, Марина и Сергей Дяченко	67
Сергей Чекмаев	80
Юлия Рыженкова	90
Владимир Васильев	103
Алекс Громов, Ольга Шатохина	116
Михаил Кликин	124
Марина Ясинская	136
Астана – Москва	148
Маргарита Ленская	148
Олег Дивов	160
Игорь Вереснев	168
Майк Гелприн	185
Андрей Марченко	198
Евгений Гаркушев	207
Марлен Жангаков	225
Игорь Минаков, Максим Хорсун	236
Татьяна и Юрий Бурносовы	244
Тимур Рымжанов	254
Дарр Айта	263

Цифрономикон (сборник)
Антология техногенной мистики

© «Снежный ком» 2014

* * *

Людены бывают разные (вместо предисловия)

*Будешь много знать – скоро состаришься.
Народная мудрость*

Ваши действия, если вы стоите в чистом поле, а из-за угла вдруг выезжает танк? А если гаджеты сошли с ума под влиянием потусторонних сил и стремятся лишить вас жизни? Привычный мир изменился на ваших же глазах. Вы совсем не готовы к переменам – вы их хотите, даже страстно желаете, уповая на свою удачу, на наше вечное «Бог не выдаст – свинья не съест», но вот справитесь ли вы с ними?

Кто-то ведь играет с нами в игру под названием жизнь, и совсем не факт, что этот кто-то принадлежит к виду Homo Sapiens Sapiens. Тем временем, компьютерные программы под авторством группы математиков-экономистов, назвавших себя для отвода чьих-то невнимательных глаз по-японски «Сатоши Накомото», становятся децентрализованными криптовалютами, обещая не только смену финансовых элит нашего мира, но и меняя саму схему «деньги-товар-деньги» на «идеи-деньги-деньги-деньги». Биткоин и альткоины порождают новую Золотую Лихорадку.

Исследования по омоложению клетки через перепрограммирование РНК находятся на завершающей стадии, суля человечеству если и не вечную жизнь, то хотя бы панацею от неизлечимых болезней и временное возвращение молодости... Чат-бот проходит тест Тьюринга, выдавая себя за мальчишку из Одессы, будучи предтечей Искусственного Интеллекта. Научная фантастика, прорывающаяся на свет Божий, уже здесь. Дроны и роботы среди нас, но ведь есть и другое Знание...

Каббала, карты Таро, мистика... И противостоящие им, но в то же время стоящие в том же мистическом ряду, Священные Писания с их предсказаниями.

Готовы ли вы, наши уважаемые читатели, к тому, что завтра будет не понедельник и даже не суббота, а вечное воскресенье? А если воскресенья не будет? Если мы в своей алчности и самоуверенности разбудим аналог Толкиеновского Балрога, а Гендальфа-то в наши края в помощь хоббитам, гномам, эльфам и всяким-там разнокалиберным людям никто не посылал, да и не пошлет? Евразийское пространство, как известно, та еще родина Балрогов, Гендальф же изобретение чисто британское. Пока Гендальф курит свою трубку, не зевай и запасайся боеприпасами!

Наш сборник городского мистического рассказа именно об этом – Город-Номос не должен забывать, что все наши гаджеты и знания, которые передаются через Википедии и Твиттеры, – всего лишь пылинки в мире сил куда более древних, чем Человечество, и куда более мудрых и, не побоимся этого слова, более коварных, чем все наши политики-современники вместе взятые.

Идея создания сборника рассказов «Цифрономикон» появилась в ходе проведения второго ежегодного конгресса писателей-фантастов и футурологов «Байконур» в столице Казахстана Астане в 2012 году. Коллектив Авторы Идеи – Искендер Сыргабеков, Дарр Айта, Жанна Тулегенова, Ляйля Саруар, Сергей и Елена Переслегины, Сергей Чекмаев – довольно-таки «разношерстная банда» энтузиастов от науки управления информационным полем и прогнозированием Будущего. Их можно назвать цифро-пророками, но «пророк» – это слишком сильное слово. Будем скромнее к себе: мы всего лишь наблюдаем за трендами и можем чуть-чуть их усилить или, наоборот, немного ослабить.

Поэтому мы просто скажем всем Авторам Идеи сборника «большое человеческое спасибо» от своего личного имени и от лица всех молодых писателей-новичков из Казахстана и России, которым предоставлено заслуженное право встать в один ряд с грандами пера: Олегом Дивовым, Владимиром Васильевым, Мариной и Сергеем Дяченко, Г. Л. Олди, Михаилом Кликиным, Андреем Дашковым, Юрием Бурносовым. В свое время кому-то ведь понравилось творчество молодого и еще не известного широкой общественности Сергея Лукьяненко (родом он тоже из Казахстана), кому-то могут понравиться и другие «Лукьяненко», коими, как оказалось, богаты наши земли. Вместо антитезы предлагаем подумать, а что делать, если вы не видите, что ваш мир меняется? Что-то ведь делать надо?

Работа над этим проектом продолжалась дольше, чем хотелось бы, но и результат получился неожиданно хорошим. Достойные экранизации сюжетов говорят, что это только начало. Читая и перечитывая рассказы мастеров и новых авторов, невольно ловишь себя на мысли, что ты уже стал заложником ситуации, что ты уже внутри истории, что тебе не вырваться из цепких лап составителей, но главное ведь не в этом... А что главное? Главное то, что мы видим, как зарождается современная литература достаточно нового для нас жанра. Современная и потому достаточно злая, добро-то нынче не в моде... Что же делать? Надо дочитать до конца и Добро обязательно победит.

Не будем рассказывать об авторах сборника – кому нужны спойлеры? Прочтите их работы, они стоят того. Людены ведь бывают разные – того же принца Сидхарта взять – зависнув в своем собственном сценарии, Будда должен помогать нам, неразумным достигать божественного просветления, чтобы стать такими, как он, и так до скончания века. Нам это напоминает баг в программе. Другая аналогия – Сизифов труд.

И все-таки хорошо быть простым смертным! Поиграем в игру под названием жизнь?

Дарр Айта, Кембридж, 2014

Сергей Чекмаев, Москва, 2014

Москва – Астана

Иван Наумов

Рутинаторы

*А я спросил себя о настоящем: какой оно ширины, какой глубины,
сколько мне из него достанется?*

Курт Воннегут

I

Весна.

Загнанных л. п.

– Дима, – голос приплыл из ватного далека, – как это вообще понимать?

Уничжительное «Дима», словно с намеком, что до «Дмитрия Александровича» мне еще расти и расти.

Жанна Темиртасовна метала молнии. Под раздачу попал не я один – досталось и закупщикам за непомерные командировочные расходы, и хозяйственному департаменту за грязные места общего пользования, и пиар-группе – ну, этим взбодриться никогда не помешает. Но меня распекали лично, персонально, и, что прискорбно, по делу.

«Алга-Импорт», наша славная компания, лидер того и сего, управлялась настоящей железной леди – недаром за глаза директрису называли Тэтчеровой.

– Сорок фур вышли из Урумчи во вторник и еще двадцать в среду утром, Дима. Уже позавчера копии таможенных деклараций легли вам на стол. А сегодня, в пятницу, вы мне говорите, что только «приступили к работе»?! Машины уже прошли Жаркент, к утру будут на складе. Кто оплатит простой – вы?

– Извините за сбой, Жанна Темиртасовна, – пробурчал я. – До утра всё будет.

– Без ошибок и без помарок! – уточнила она, и это было излишне: у меня не бывает ни ошибок, ни помарок.

Если бы не это обстоятельство и не годы «безупречной службы», вылетел бы я сейчас из отдела логистики со свистом. Виноват? Виноват! Исправлюсь? Не факт.

Я вернулся на рабочее место, взбудораженный полученной выволочкой. За последние месяцы мне доставалось не впервые. Поначалу Жанна решила, что я устал – это, кстати, не было неправдой, – и дала внеочередной отпуск. Мы с Гулей на две недели уехали на Иссык-Куль. Было здорово, но помогло ненадолго: вскоре по возвращении я опять задержал свою порцию документов, да так, что фирму потрянуло по всему технологическому циклу. Большое предприятие тем и слабо, что все выстроены в цепочку. В одном звене сбой – у всех остальных кавардак.

Жанна отправила меня к какому-то модному психологу, специалисту по «производственным травмам». Подробности моей работы этого типа почему-то не интересовали. Я хотел объяснить ему, что такое расконсолидация, и как важно вовремя подготовиться к приходу груза, и какие бывают риски, и как их избегать, а он только отмахивался и всё больше расспрашивал меня о воспоминаниях детства и про эротические сны. Потом свернул на мои семейные

отношения с Гульнарой и был закономерно послан. Отчета его я не видел, но общение наше прервалось очень быстро – видимо, записал меня в симулянты.

А ведь если бы он спросил и был готов выслушать, я бы многое ему рассказал. Про вяжущее по рукам и ногам чувство нехватки времени, когда что-то должен всем и каждому, но не можешь сосредоточиться ни на чем. Про монотонность и однотипность задач, которыми жизнь выстреливает как из пулемета. Про то, что хочется остановить часы, чтобы зависли в воздухе пылинки, мухи, капли дождя, а ты бы спокойно сел в уголке и немножко разобрался со своими долгами – без спешки и тиканья над ухом. Говорят, надо каждые три года менять работу – но что менять, если работа любимая, если отчетливо понимаешь: любой другой расклад окажется худшим?

Сиди, Дима, лупи по клавишам, двигай грузы из фуры в фуру, в этом тетрисе ты, по крайней мере, сечешь.

Ровно в пять тридцать я взялся за дело. Точнее, приготовился браться за дело.

Переименовал текущие папки, чтобы они все лежали рядом в начале списка.

Раскрыл тетрадь перед клавиатурой, убедился, что ручка пишет.

Встал, передвинул на календаре рамку на текущую дату, вернулся к компьютеру.

Проверил почту, вычистил спам.

Разложил пасьянс на удачу. «Косынка» не сошлась, «паук» разобрался только с третьего раза, в «пирамиде» одна последняя карта предательски увернулась от остальных.

В отместку разминировал поле «сапера» двадцать на двадцать.

Взял из лотка все бумажные декларации, бегло просмотрел номера и даты. Положил на место.

Проверил почту. Пусто.

Изучил мировые новости. Террористы, санкции, отставки, аресты, дорожные происшествия, кинопремьеры, спорт, погода. Ничего принципиально нового не случилось, и мировую ось ничто не пошатнуло.

Не вставая, объехал стол, полил чахлые суккуленты на подоконнике. Вернулся в исходную. Отрегулировал высоту сиденья.

Выбрал музыку под настроение. Поскольку настроения не наблюдалось, музыку вскоре выключил.

Прошло чуть больше часа. Я внезапно понял, что вряд ли вернусь домой рано. Позвонил жене сообщить о намечающемся трудовом подвиге.

Гульнара особой радости не выказала. Она всегда была против стахановских методов. «Поешь там чего-нибудь!» Да, разумеется. Перерыв на ужин маячил впереди светлым пятном.

Я положил перед собой первую декларацию. Открыл шаблон, куце-пустой, неначатый, с некрасивыми заголовками. Утвержденные формы документооборота.

Курсор издевательски мигал из верхней незаполненной графы.

Да что со мной такое, в конце концов! Это же работа, обычная нормальная работа, не самая пыльная и не самая сложная. Немножко внимательности, немножко мозгов и чуть побольше опыта – всего этого у меня в избытке. Просто нужно перелопатить очередную стопку бумажек, а завтра ящики и коробки, рулоны и паллеты, которых я и в глаза не увижу, по встречным траекториям расползутся в разные стороны, повинуюсь моим указаниям. Маленькие грузовички и огромные фуры растащат груз по городам и весям от Бишкека до Москвы, от Новосибирска до Актау, по магазинам, складам, хранилищам, заводам и фабрикам. Мне же всегда нравилась логистика, сложный часовой механизм, собранный из людей и инструкций. Я знаю и умею. И все знают, что я знаю и умею. И все ждут, что я всё сделаю так, как надо.

Вот где-то здесь и пряталась загвоздка, не дававшая мне покоя в последние месяцы. Точно так же как движения груза подчинялись моим указаниям, я сам оказывался в подчинен-

ном положении. И речь вовсе не о начальстве, уж Жанна-то никогда слишком меня не прессовала. Ну если только сегодня... Тьфу, стыдобища!

Меня чем дальше, тем больше бесила предсказуемость процесса. Давным-давно известный порядок действий, отточенный годами работы – однообразной, повторяющейся работы. Ответственность не давила на психику, нет! Наоборот, она была резервным глотком кислорода и придавала сил. Но необходимость совершать день за днем одни и те же пассы, словно я робот-иллюзионист, шаг за шагом проходить типовую процедуру, и при этом пытаться уговорить себя, что это не конвейер...

Незаметно для себя я изрисовал квадратиками целый тетрадный лист. Куда-то делось еще полчаса.

Так и не собравшись с духом, я решил, что только хорошая порция «чего-нибудь» настроит меня на боевой лад.

– А пропуск? – крикнул вслед Петрович, когда я выскользнул за турникет проходной.

– Вернусь! Работы невпроворот, сегодня в ночное!

Кафе через дорогу вечерами обычно пустовало – офисный люд расползлся по домам, не задерживаясь. Я плюхнулся за свободный стол.

Хотелось заказать пива. Лагера, пилза, стаута, фильтрованного, нефилтрованного, ячменного и пшеничного, светлого, красного, полутемного, темного, резаного, черного, любого – чтобы пузырьки поползли по нёбу, чтобы чуть просветлело в голове, чтобы добрый солодовый друг хлопнул по плечу и сказал: «Не парься, брат! Ща всё порешаем!»

– Димыч! – за спиной прозвучал знакомый голос. – Зазнался или заболел?

Сумрак моего настроения разошелся в стороны, как театральный занавес. Я улыбнулся:

– Конечно, зазнался! Это болезнь такая.

За соседним столом ужинал Гарик, а я умудрился пройти мимо, не заметив его рыжей шевелюры. Школьный друг выглядел так, что сразу становилось понятно: у него всё отлично. Гарик работал неподалеку в нотариальной конторе – а точнее, контора работала на него, потому что он давно пробился в старшие партнеры.

Я пересел к нему. Пока готовили мой заказ, мы успели пробежаться по одноклассникам, кто-где-что, жены-дети-работы-квартиры-машины, кто-когда-кого видел.

Не удержавшись, я все-таки заказал пиво, хоть и не стоило этого делать перед подготовкой шестидесяти листов расконсолидации. Гарик пил водку из запотевшего графинчика, и передо мной тоже откуда-то взялась рюмка. Да мы по одной, убедительно соврал он, услышав про мои надвигающиеся сверхурочные труды. Завтра меня уволят, успел отстраненно подумать я, пока первый залп холодного огня сползал в желудок. Долгожданные пузырьки поспешили следом, и стало чуть спокойнее.

– Ты какой-то напряженный, – Гарик безошибочно определил мое состояние. – Совсем быт заел?

Под водку с пивом рассказывать о личных проблемах оказалось легко и весело. Минут на пять я превратил Гарика в психотерапевта и вывалил на него ворох заморочек во всей их красе и неповторимости.

– Погоди, – он прищурился, – а по-твоему что, у остальных всё лучше, что ли? Вон, у водителя троллейбуса, у продавца на рынке? У дворника? У официантки? Больше полета фантазии, и каждый день уникален и неповторим?

– Да всё понимаю! – огрызнулся я. – Если посчитать, так девяносто девять процентов живут и хуже, и скучнее, и проблемы у них в разы серьезнее, это мы проходили! Только я сейчас про себя говорю. Тут сравнительная арифметика вообще не работает. Делать вид, что всё тип-топ, уже не получается. Так всё обрыдло, что деваться некуда.

Гарик посмотрел на меня озадаченно. Зашел человек перекусить, называется. Мне стало неудобно. Не такие уж мы были друзья в школе, а потом – тем более. По сути, старые приятели, ничего больше. А тут вдруг – принимайте исповедь!

– А помимо работы и дома у тебя что-то есть? – спросил он. – Занятие, увлечение, хобби? Что-то такое, из чего смысл не испарился?

Я поколебался, но ответил:

– Мост.

Гарик оживился:

– Это еще тот, что ли? Твоего отца? Так ты не бросил эту затею?

От того, что он сразу понял, о чем речь, стало приятно. Захотелось рассказать подробнее, как обстоят дела с Мостом, но я сдержался.

– Сложно с деталями, поэтому продвигается медленно, – обрисовал ситуацию вкратце, чтобы не погрузиться в конкретику. – Да и, что называется, «досуга» не хватает категорически.

– Ты только не смейся... – Гарик замаялся, словно не мог решить: говорить дальше или нет. – В общем, тебе надо структурировать свое думательное время.

Термин меня позабавил.

– Это как?

– Ну, если ты научишься больше думать о том, что для тебя действительно важно, то обычные обязательные дела перестанут так раздражать. Как в школе, вспомни: май, жара, а ты паришься на уроке, скажем, химии. Солнце светит, купаться пора, а Фруктоза тебе про плавку алюминия талдычит. Включаешь автомат – и вот ты уже в мыслях в речке плещешься! А алюминий – он никуда не денется, тут он, твой алюминий.

– В моей работе автомат не включишь, – возразил я. – Если отвлечешься, то такого наворочаешь, потом по всей необъятной засылы собирать придется.

– Засылы! – заржал Гарик. – Классное словечко.

– У нас таких много.

– Не совсем ты меня понял, – констатировал он. – Автомат – он либо есть, либо нет. Если ты что-то умеешь хорошо, если рука набита, то на поддержание внимания тебе требуется меньше усилий, чем новичку, так?

Логично. Я кивнул.

– Значит, – продолжал Гарик, – если ты всё внимание целиком отдаешь тому, чем занят, то твой личный внутримозговой КПД оказывается ниже, чем у новичка.

Хитро повернул, не подкопаешься.

– Из этого следует, что нужно научиться расщеплять внимание. Отдавать работе ровно столько, сколько она заслуживает. А остальное направить в другое русло.

Я испугался, что он мне сейчас начнет впаривать какой-нибудь психологический практикум, типа «Как всё успевать – двенадцать советов от Юлия Цезаря». Но всё оказалось куда занятнее.

Юрист без портфеля – как птица без крыльев, а нотариус – это, считай, пол-юриста. Гарик вполне вписывался в корпоративный стиль. Порывшись в буром потертом сакволяже, он вытащил мобильный телефон.

– По старой дружбе, – сказал он. – Держи.

– Слушай, у меня свой есть, – удивился я.

– «Симку» переставь в этот, – смартфон лег на стол рядом с моей тарелкой, – так проще будет, там всё закачано, настроено.

– Да что проще-то?

Гарик откинулся на спинку дивана.

– Рассказываю. А ты внимай! Здесь установлена одна прога. Вызывается клавишей с домиком, двойным нажатием. Короче, как только собираешься делать что-то привычное,

сразу запускай. Как работает – не спрашивай, объяснять дольше. Этой мобилой я сейчас не пользуюсь, так что отдашь на той неделе. Разберешься, понравится – скачаешь программу в свой телефон, она бесплатная, на всех раздачах лежит. Только пообещай, что попробуешь. Вот прямо сейчас придешь в офис свои бумажки заполнять – и попробуешь!

Мысль о том, что вот-вот придется перебраться от уютного обеденного стола к рабочему станку, не очень-то радовала. Я послушно кивнул и сунул мобильник в карман.

– Думаешь, у нас в нотариате рутины мало? – чуть снисходительно спросил Гарик. – Я без этой штуки вообще себя не мыслю уже. Полезная вещь, вот увидишь!

Пока нас рассчитывали, мы поболтали еще немного. Гарик передал привет Кайрату – другому нашему однокласснику, тот тоже работал в «Алге», правда, в другом отделе, в безопасности. С Кайратом мы пересекались нечасто, но привет не заржавеет, я пообещал при случае доставить до адресата.

В целом, встреча с Гариком придала мне сил и направила в правильную колею.

Петрович мирно дремал в стеклянной будке. Свет горел только дежурный – на лестничных площадках. «Алга-Импорт» содержала всё здание, пятиэтажный стеклянный куб, и за энергосбережением следили строго. Потыкавшись в полутьме ключом в замок, я проник в наше логистическое логово – и остался один на один с кипой бумаг, мерцающим экраном компьютера и жестким дедлайном.

Я зажег настольную лампу, покрутился в кресле, устраиваясь поудобнее. Усмехнувшись, достал из своего мобильного сим-карту. Смартфон Гарика был почти новый. «Симка» вошла в паз туго, задняя крышка захлопнулась с сочным щелчком. Экран загорелся незнакомой заставкой, коротко прожужжал в руке, сыграла приветственная мелодия. Я прокрутил меню, убедился, что смартфон поймал сеть и видит мою записную книжку. Ну, что там за технические новшества, призванные облегчить жизнь рядового менеджера?

В первую секунду после двойного клика по служебной клавише ничего не происходило. Потом на экране промелькнула какая-то радужная муть, и появилась заставка: «Рутинатор v.1.1». Внизу, маленькими буквами: «High Moon Inc.». Закрутился то ли логотип, то ли значок ожидания: кольцо из двух змей, черной и зеленой, поедающих друг друга с хвоста. В углу загорелся красный кружок – как на видеорекамерах, когда идет запись.

Я подождал немного, но больше ничего не менялось. Змеи ужинали друг другом, кружок горел как японский флаг, и всё. Я отложил мобильник в сторону и наконец-таки взялся за первую декларацию.

Самое смешное, что сложнее всего – начать. Когда уже погрузишься в рабочий процесс, всё легко и просто. Я сравнил перечень ввезенных товаров с упаковочным листом, пришедшим по почте днем раньше, убедился в отсутствии расхождений. Проверил таможенные отметки. Вывел в отдельное окно базу данных получателей, создал новые файлы под грузовики, в которые завтра должно быть разложено всё, что подъезжает к Алма-Ате сегодня. Сверился с графиком автотранспорта. Астана, Астана, Чимкент, Семипалатинск, Екатеринбург, Москва, Москва, Москва, Москва. Выделил первый товар в списке, скопировал описание, вес, количество мест из окна в окно. Ну, и так далее, в том же духе. Ctrl+C–Ctrl+V.

В стандартную стадвадцатикубовую фуру входит в среднем полторы тысячи грузовых мест. Если бы каждая коробка шла в адрес нового получателя, то я там бы и умер прямо над первой декларацией. К счастью, мы работали в основном с крупными поставщиками и серьезными заказчиками. Пять юрлиц, семь адресов. Повезло. Перепроверка – всё штатно. Десять минут чистого времени.

К одной и той же работе можно относиться очень по-разному. Как фигуристы отрабатывают «двойные тулупы» и всякие «дорожки», как мастер рукопашного боя бесконечным повторением шлифует каждый удар и каждый блок, так и я за восемь лет в «Алге» усовершенствовал порядок действий и сократил время на расконсолидацию поступающих грузов до минимума.

Моя работа напоминала сложный танец, где в каждом движении скрыта внутренняя логика, и одно следует из другого бесконечной чередой. От этого тоже можно получать удовольствие. И я получал его, пока что-то не разладилось в восприятии...

Пискнул смартфон. Меню с тремя кнопками: «Сохранить», «Сохранить и повторить», «Отмена». Что сохранить? Чего отмена? Гарик мог бы и поподробнее рассказать, что тут и как! За стенкой в кабинете пиарщиков напольные часы гулко пробили половину десятого.

Поколебавшись, я выбрал «Сохранить и повторить». Смартфон нежно зазвенел, и у меня слегка помутилось в голове – у всего вокруг на секунду прорисовалась густая фиолетовая тень. Откуда-то принесло незнакомый запах – что-то мягкое, душистое, цветочное. Чистящие средства, что ли, уборщицам поменяли? Обычно после чистки напольного покрытия в офисе подолгу висел злобный цитрусовый аромат. Форточек в здании архитекторы не предусмотрели, стекла – от пола до потолка, поэтому приходилось ждать, пока вытяжка справится с адским благоуханием бытовой химии.

Стоп, какие уборщицы? Водки с пивом надо меньше пить! Я помотал головой, и всё вернулось к нормальному виду. Лампа, монитор, лоток с бумагами... пустой.

Декларации числом шестьдесят толстой стопкой лежали на противоположном углу стола, куда я обычно складываю отработанные документы. Ничего не понимая, я пощелкал мышкой по папкам. Сомнений не было – все требуемые файлы были созданы и лежали там, где положено. В окно заполз розовый луч солнца и размазался по оконной раме. Судя по времени сохранения файлов, я без перерывов проработал всю ночь. Часы в углу монитора показывали половину шестого утра. Экран смартфона перешел в меню ожидания и погас – программа работу закончила.

Я перепроверил несколько папок – всё было выполнено идеально. Вот такая история.

Я встал из-за стола, потянулся. Ни усталости, ни затекших ног, ни головной боли. Как будто я только что вышел из кафе. Даже еще слегка навеселе.

Оставалось только возрадоваться, мысленно поблагодарить Гарика и отправиться домой спать.

Сонные утренние прохожие уже выползали на остановки. Алма-Ата неторопливо, по-субботному просыпалась. Понемножку разгонялся маховик нового дня. Кому-то выходного, как мне, а кому-то рабочего, как ребятам с нашего склада – им скоро предстояло тягать тяжести в соответствии с выданными мною раскладками. Ну, я свою часть работы сделал.

Дверь квартиры была заперта на ключ, но Гуля проснулась и вышла меня встретить.

– Отстрелялся! – радостно сообщил я.

Она чмокнула меня в щеку, принюхалась, покачала головой:

– Да уж вижу.

Утро, соответственно, не заладилось. Я счел за лучшее просто лечь в постель. Гульнара демонстративно открыла форточку, накинула халат и ушла на кухню. Что-либо объяснять или доказывать я не собирался, вины за собой не ощущал, поэтому просто тихо лежал, дожидаясь прихода товарища Морфея. Но тот явно не спешил ко мне – слишком о многом хотелось подумать, слишком неожиданно прошла ночь.

Я лежал и пялился в потолок, и пытался представить себе, как работает рутинатор и как его еще можно использовать. Потом вспомнил, что начались выходные, и что можно будет выбрать пару-тройку часов, чтобы заняться Мостом. А потом черно-зеленые змеи всё быстрее закружились хороводами, и неуловимо-нежный цветочный аромат приплыл из открытого окна, и я плавно и сладко уснул. Как позже скажет Гульнара, отрубился.

II

Весна-осень.

Цыплят по о. с.

Поздним утром за поздним завтраком я был ознакомлен с перечнем претензий потерпевшей стороны. Гульнары то есть.

Обвиняемый, то есть я, прикрываясь должностными обязанностями, а также авралом неизвестного происхождения и неуточненной степени достоверности, в пятничный вечер, переходящий в субботнее утро, злоупотреблял спиртными напитками и вообще шлялся непонятно где. Картина усугублялась тем фактом, что этот же субъект из недели в неделю пренебрегает домашними обязанностями, ссылаясь на занятость и общую усталость. Хотя водку жрать ему и время и силы позволяют только так. И что если за восемь лет работы обвиняемый не смог организовать свое рабочее время должным образом, то такое безобразие будет продолжаться и дальше.

«Как так? – спросил однажды Кайрат. – Женился на Гуле, а живешь с Гульнарой. Диссонанс!» За что и был отлучен от дома большинством голосов, то есть лучшими пятьюдесятью процентами.

Нет, всё было не так уж и плохо – просто неровно. Благополучие и спокойствие домашнего очага покоились в круглой плошке на горбе у верблюда, стоящего на роликах на спине у черепахи мироздания. Неустойчивая конструкция, короче.

Я же и сам – не подарок. А когда два неподарка пытаются как-то притереться друг к другу, то частенько искрит. Быстро поругались – быстро помирились.

Я, конечно, отверг самые нелепые и суровые обвинения насчет достоверности. Остальное с покаянным видом принял. Получил наряд вне очереди – на кухню.

Неожиданно отзвонилась Тэтчеровна. Сдержанно поблагодарила за «неизменное качество» работы. Я был тронут.

– Дима, – напоследок спросила она – и это было нормальное «Дима», безо всяких подтекстов, – а вы случайно не помните...

И задала совершенно безобидный вопрос об одной из грузовых партий, по которой я готовил расконсолидацию сегодня ночью. Простейший вопрос, на который я ответил бы, не задумываясь, – если бы помнил хоть что-то. В панике я сунул мокрую руку в карман и вцепился в смартфон. На ощупь нажал на «хоум» – и вдруг нужный упаковочный лист словно встал у меня перед глазами.

– Дима? – Видимо, я дольше положенного молчал в трубку. – Вы здесь?

– Здесь, Жанна Темиртасовна! Записываете?

То, что я наизусть помню номера таможенной декларации, фуры, прицепа, количество мест и общий вес с точностью до килограмма, произвело на директрису серьезное впечатление. Распроцалась она тепло и даже немного ошарашенно.

Я вытащил смартфон из кармана и уставился на спящий экран.

Рядом с раковиной меня дожидались две сковороды и казан из-под плова.

А если так? Двойное нажатие – и змеи пришли в движение...

Когда чистая посуда расплзлась по шкафам и ящикам, когда у всего вокруг растаяла фиолетовая каемка и выветрился непонятный, но такой знакомый аромат, я снова задумался над своими новыми возможностями.

Открывающиеся перспективы будоражили. Рутинa – мой главный враг, мое проклятие, то, что всегда мешало мне жить. Но теперь... Теперь...

Гульнара, накормив сына обедом, увезла его с собой на рынок. Максимус, насупившись, спросил, что я делаю вечером. Он всегда тонко чувствовал настроение матери и в наших с ней ссорах чаще оказывался не на моей стороне. Я пообещал, что буду дома и освобожу вечер для чего-нибудь совместного.

Едва за ними закрылась дверь, я бросился к компьютеру. Найти рутинатор не составляло труда, как и говорил Гарик. В описании – двусмысленный слоган «Time to be organized» и абстрактная картинка. Бесплатное программное обеспечение для смартфонов, мультиплатформенное, версии на десятке языков. Рейтинг приличный, но количество скачиваний смешное. Производитель – «Хай Мун Инк.», Китай. Ссылка на производителя – битая, стоимость этого имени сайта вы можете узнать у провайдера... – дальше иероглифы. Кое-где встречались упоминания бета-тестинга программы «Рутинатор v.2.0», но больше флуд.

Около получаса я провозился с компьютером и своим мобильником, который на статус смартфона тянул еле-еле. Однако программа успешно инсталлировалась, так что я вернул «симку» на место, а телефон Гарика убрал в пиджак, чтобы не забыть отнести на работу в понедельник.

Дальше я собирался заняться Мостом, но решил сначала на пробу отрутинировать еще что-нибудь. Выбор остановился на покраске забора. В свое время жители первого этажа нашей четырехэтажки в виде компенсации за неудобство осуществили успешный захват придомовой территории – разбили садики-огородики, посадили цветы, картошку, кому что больше нравилось или требовалось. Поскольку мы тоже входили в число несчастных, живущих за решетками на окнах, то оказались владельцами узкого клина земли, идущего от балкона до пыльной объездной дороги, упирающейся в ворота гаражного кооператива. Восемь шагов на двадцать – не так уж и плохо.

Заборчик, ограждающий нашу условную земельную собственность, уже лет десять как облупился и покосился. Я-то в ту сторону вообще редко из окон выглядываю, но Гульнара чаще – и давно купленная банка с краской дожидалась меня под ванной.

Тратить субботу на такое никчемное дело? Да легко! «Сохранить и повторить»!

Я едва успел управиться до темноты – апрельское солнце уходило за соседние дома рано. В фиолетовых сумерках смешались запахи краски и аромат... наверное, это аромат сделанного дела, выполненной рутины – что еще может пахнуть так нежно?

В отличном настроении я вернулся домой и как раз успел отмыть руки, когда вернулись Гуля с Максимусом. Жена сразу почувствовала мой бравурный настрой. Я подвел ее к балконному окну, но за ним уже совсем стемнело, пришлось объяснять на словах.

Утренняя размолвка забылась-испарилась. Максимус утянул меня к игровой приставке, Гуля занялась ужином. Разумеется, до Моста я в тот вечер так и не добрался.

Воскресенье рассосалось само собой. В понедельник я заехал к Гарику в контору, но не застал его – командировка в Усть-Каменогорск, выезд на сделку. Оставил одолженный смартфон у секретарши, прицепив к нему самоклеящийся листок с коротким: «Оценил! Благодарен!»

После выходных я чувствовал себя неожиданно бодро и был готов к бою. Офисная белка вернулась в колесо. «Алга» – значит, вперед! Раскрученный маховик бизнеса подхватил меня и понес сквозь время.

Поначалу я пользовался рутинатором с осторожностью. Одно дело, когда что-то привычное делаешь сам, в одиночку. И совсем другое – когда нужно общаться с людьми, согласовывать планы, обсуждать детали и подробности... Однако программа функционировала отлично. Всё, за что бы я ни брался, находясь под пушистым крылом рутинатора, выполнялось мной так же, как обычно, и даже лучше. Любая задача с заранее известным методом решения щелкалась как грецкий орех.

Неопытный наездник принаравливается к лошади, тратя все силы и внимание исключительно на то, чтобы удержаться в седле. Так и я при первых запусках рутинатора просто отключался, теряя осмысленное мировосприятие на время работы программы. Но чем дальше я рутинизировал свои дела, чем чаще запускал змей, тем больше оттенков «отключки» успевало осесть в памяти. С каждым разом, возвращаясь в сознание, я вспоминал всё подробнее

о том, чем был занят при выполнении рутины. Разумеется, не ту нудятину, которую взял на себя рутинатор, а «плескание в речке» – ход мыслей высвобожденного сознания.

Да и мыслей-то этих было не так уж и много. Простая жизнь – простые мечты. Заполняя отчеты для бухгалтерии, я прикидывал, что подарить Максимусу на день рождения. Выбивая ковры – как выберусь в Астану на рок-фестиваль. Сидя на планерке у Тэтчеровны – где бы мне хотелось в этом году провести отпуск. Но чаще всего я ускользал мыслями к Мосту – наивной детской мечте, перешедшей ко мне по наследству от отца, к тонкой ниточке, связывавшей нас, пока он был жив, и превратившейся в воспоминание о нем, когда его не стало.

Однажды вернувшись домой раньше обычного, я наконец-таки вытащил с антресолей длинный лист двадцатимиллиметровой фанеры, на котором под старой простыней громоздился каркас Моста. Казалось, под сероватой тканью спряталось живое существо.

Я перенес макет на обеденный стол, собрал простыню за уголки, вытряхнул ее с балкона и отложил в сторону. Мост молча смотрел на меня. В его взгляде я не почувствовал ни обиды, ни укора, хотя антресольное забытье продолжалось больше пяти лет.

Когда-то отец приволок домой целый пук тонких двухметровых реек. Лиственница, сказал он. Лучше не бывает. Душистый запах древесины расползся по дому и остался там навсегда. Смотри, сказал отец, разворачивая перед собой рулон кальки. Я привстал на цыпочки и взялся за край стола, чтобы хоть что-то рассмотреть. Мне было... Четыре? Три? Два-одиноль? Очень, очень давно.

Это Мост, сказал отец. Гораздо позже я узнал, что у мостов бывают имена, но этот не нуждался в имени, оно уже прозвучало: Мост. Отец выменял чертежи и рейки за пустую пластиковую канистру у кого-то из соседей. Когда-то неподалеку жили пленные немцы, непонятно объяснил отец. Среди них были разные люди. Кое-кто талантливый. Видишь, какие линии? Какие аккуратные буквы?

Потом я понемногу рос. Это заняло много времени. И вместе со мной постепенно рос Мост. Всё мое детство умещалось в желтый круг света от настольной лампы, масляные отблески в толстых линзах, скрывающих глаза отца. Хрустящий лист кальки по углам прижимался книжками, пассатижами, очешником, банкой соленых огурцов. Рейки из волшебного дерева лиственницы поддавались ножу только в умелой руке. Мне доверялось ошкурить торцы деталей нулевкой.

Сначала отец собрал две массивные квадратные опоры. На них поднялись мрачноватые башни – и я представлял, как где-то в Саксонии или Баварии из таких башен выходят молчаливые солдаты и идут на восток. Им предстоит стрелять и убивать, и рваться вперед, а потом, дрожа, выходить в февральскую вьюгу с поднятыми руками, и продолжать путь на восток, но уже в вагонах с зарешеченными окнами. И привыкать к морозу, какого они и не знали в своих воинственных башнях...

Через воображаемую реку перекинулись первые слуги. Им предстояло обрасти «мясом» – снастью, крепежом, вантами. А потом у нас кончились рейки. Отец к тому времени видел уже совсем неважно, а меня больше интересовали окологосударственные дела. Пару раз мы пробовали выстругивать и выпиливать недостающие брусочки вручную. Много опилок и отсутствие удовлетворительного результата. Криво, косо, не то и не так.

Проблему с материалом я решил – с первой премии в «Алге». Но к тому времени отцу уже было не до Моста, а потом я долго боялся браться за дело, потому что раньше мне позволялось только шкурить торцы и изредка обрабатывать пазы напильником. Я не был уверен, что справлюсь.

Теперь Мост смотрел на меня провалами незакрытых пролетов, тянулся растопыренными спицами вантовых конструкций. Разберемся, подумал я, раскручивая скукожившиеся в тубусе чертежи. Мимо прошел Максимус. Задержался на минутку из вежливости, заглянул

в башенные окошки, потрогал незакрепленную балку. Сказал, что круто, и скрылся в своей комнате за компьютером. Круто.

Как-то исподволь рутинатор занял место и в обычной домашней жизни. Я всегда ценил то время, что удавалось провести с женой и сыном, но не всегда получалось использовать его толково. То мы замирали перед телевизором, вперившись в очередное бессмысленное развлекалово, и обращали друг на друга внимание только в рекламных паузах, то вдруг между мной и Гульнаррой начинало искрить, а Максимус баррикадировался у себя, чтобы не попасть под раздачу в наших разборках. Драгоценное время семейного общения вылетало в трубу, обращившись унылым и одиноким времяпрепровождением, и однажды я поймал себя на том, что разбираю домашний распорядок дня по полочкам, выискивая, какие еще куски стоит рутинизировать.

В конце лета бабушка увезла Максимуса к родне в Чимкент, мы с Гулей выбили по две недели в счет отпусков и погрузились в ремонт. С утра до вечера мы драли обои и потолки, таскали в контейнер опостылевший линолеум, ворочали мешки с цементом и шпатлевкой, носились по строительным рынкам, торговались лучше китайцев, спорили о цвете стен до ругани. А с вечера до утра, кое-как отмывшись от строительной пыли, без спешки, лениво и изобретательно занимались любовью и засыпали, обнявшись.

Как ни странно, я почти не вспоминал в эти дни о рутинаторе. В последний день отпуска он напомнил о себе сам.

– Социологический центр, – не очень понятно представилась звонившая девушка. – Мы проводим опрос для оценки уровня удовлетворенности продуктом, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Я глянул на дисплей. Номер вроде бы алма-атинский, но какой-то необычный, без одной цифры.

– Каким продуктом?

– Мы собираем мнение о мобильном приложении, изготовленном корпорацией «Хай Мун». Вы ведь пользуетесь «Рутинатором» версии один-точка-один? Тогда, пожалуйста, оцените по пятибалльной шкале, где пять – отлично, четыре – хорошо...

Вопросы, которые она задавала, почти не отложились в памяти – обычная муть, подневольная опросчица читает слова по бумажке и ставит галочки в квадратики напротив. В основном я с удовольствием отвечал: «Пять!» – а где-то для пущей достоверности ставил четверки.

– Спасибо за потраченное время! – искренне поблагодарила собеседница. – И последний вопрос: вы хотели бы участвовать в тестировании бесплатной бета-версии «Рутинатора» два-точка-ноль?

– Не возражаю, – ответил я шутливым тоном, пытаясь скрасить несчастной девушке скучную рутину...

Стоп, а отчего я уверен, что она сама не пользуется программой? Витает сейчас где-то в облаках, а на дисплее крутятся змейки, и рука заполняет сотую анкету, и голос не дрогнет, и интонации безукоризненно вежливы...

– Не отключайте телефон в течение ближайших часов, идет обновление программного обеспечения, – предупредила опросчица и отключилась.

– Кто это тебя? – спросила Гуля со стремянки из соседней комнаты.

Тут я понял, что за несколько месяцев так и не собрался рассказать ей о рутинаторе.

– Соцопрос! Качество общественного транспорта в Турксибском районе, – ответил первое, что пришло в голову.

– Многовато пятерок!

За несколько месяцев... Нет, это была, конечно, не жадность. Как можно жадничать в отношении бесплатной программки? И не стыд. Я всего лишь оптимизировал свой график

и научился не распыляться на всякие мелочи. Разве это плохо? Почему же я и Гуле не поставил такую же штуку в мобильник? А может, и Максимуму?

Напрашивался неожиданный вывод: причина в ревности. Или в чувстве собственности. Фантазия, что Гуля может вдруг взять и ускользнуть – не телесно, а мысленно, – из нашего с ней мира, оказалась очень неприятной и навязчивой. Зная, что каждую минуту она может деться в свое собственное «куда-то», я бы то и дело подсматривал за ней, постоянно пытался бы угадать, тут она или не тут...

Настроение стремительно испортилось.

– Ну, я же нормально до работы доезжаю, – ответил я.

Огляделся. Да, всё новое вокруг. Красиво будет первое время. Похвастаться перед приятелями, соседями. Дать понять теще с тестем, что всё у нас путем, ситуация под контролем, денег хватает, стоим на своих ногах.

Даже за окном вдруг стало пасмурно.

– Димкин, ты чего? – Гуля вошла в комнату – словно почувствовала струящийся от меня сплин.

– Да вон: угол, – я ткнул пальцем под потолок, где свежепоклеенные обои чуть разошлись, обнажив узкую полоску штукатурки.

Она чмокнула меня в нос:

– Поправимо!

Как знать, подумал я, пассивно наблюдая, как жена перетаскивает стремянку на новую позицию для немедленного устранения обнаруженного недочета.

Телефон коротко тренькнул в кармане, напоминая о себе.

Я спрятался в туалет. Ремонт был завершен, оставались мелочи – тут помыть, там убрать, разложить вещи и посуду – скука смертная. Надо бы срезать. Так я называл это в последнее время: «срезать» ненужную рутину, перешагнуть обыденное в один миг.

На экране в углу помигивала пиктограмма обновления файлов. Нажать кнопку рутинатора я не решился – чтобы случайно не помешать установке. Два-ноль! Интересно, чем же будет отличаться новая версия?

Вечером нам вернули Максимум, загорелого и шумного. Заодно случилась госприемка. В целом – нормально. По пунктам – целый перечень недостатков. И плитку затерли не так, и ламинат не там обрезали, и порожки неудобные, тапки цепляться будут. А так-то – молодец, зять! Большое дело сделали! Я кивал, вздыхал, разводил руками, снова кивал, мечтая только о двойном нажатии на кнопку рутинатора. Гульнара, подхватив мой кислый настрой, пару раз связвила о моих способностях плиточника-штукатур, и этого вполне хватило, чтобы не разговаривать до утра.

О, спасительный понедельник! Я поднялся раньше обычного и без завтрака выскользнул из дома. «Алга-Импорт», наверное, нуждалась во мне. Купив в ларьке около офиса пару чебуреков, я прокрался в спящее здание.

Тайного проникновения не получилось – седоусый Петрович, напевая что-то из маршей тридцатых годов, резал на рабочем столике в своей будке огурцы и помидоры.

– Смотри-ка! – лучезарная улыбка во все протезы. – Соскучился по работе, что ль?

– Больше она по мне, – подмигнул старику я, прикладывая пропуск к турникету.

В отделе логистики привычно пахло цитрусом, ксероксом, мокрым ворсом. На моем столе высились стопки папок – типичное рабочее место бюрократа, карикатура. Я щелкнул чайником, положил чебуреки на угол стола и углубился в документы. Всё ясно! Даже невооруженным глазом я видел, что ближайшие дни превратятся в битву за урожай. Наивный, думал, что за отпуск дел не прибавится? Время платить по счетам.

Я заварил чайку, неторопливо уничтожил импровизированный завтрак, и всё равно до начала рабочего дня оставалось почти двадцать минут. А что тянуть-то? Я вытащил мобильник и двойным щелчком запустил рутинатор.

Вот ты какая, два-точка-ноль...

Я очнулся в понедельник после обеда, бодрым и жизнерадостным. Подождал, пока развеются фиолетовые тени и утихнут колокольчики. Огляделся. Рекогносцировка на местности. За столом напротив незнакомый парнишка сосредоточенно перебивал в компьютер таможенную декларацию...

Или не незнакомый? Всплыло имя: Эльдар. И что его к нам пристроила мать, подруга Жанны нашей Темиртасовны. И что он с первого сентября на испытательном сроке...

Да, я очнулся в понедельник, только это был следующий понедельник, ровно через семь дней после утреннего побега из дома, Петровича с огурцами, чебуреков и всех остальных кусочков мозаики, создающей мой окружающий мир.

– Дмитрий Александрович, а вот здесь в тридцать первой графе – не подскажите, какой код может стоять, а то копия слепая?

Смущенный Эльдар смотрел на меня через стол.

Неделя! Неделя!!!

Я подошел к новичку, в двух словах объяснил ему, что может быть, а чего не может быть в тридцать первой, подтолкнул его к правильному интуитивному решению, обернулся к окну. Мы с Эльдаром выглядели мухами за стеклом для спешащих прохожих. Деревья подернулись желтым, солнце светило мягко, безвольно.

Я коротко нажал кнопку рутинатора и зажмурился.

События прошедшей недели сами выстраивались в голове, лезли пеной из бутылки, раскладывались пасьянсом – из ничего, из ниоткуда бралось – возвращалось ко мне назад мое собственное прошлое. Первый приступ паники быстро прошел. Всего несколько секунд – и кинолента недельной длины размоталась передо мной задом наперед, от понедельника через воскресенье к предыдущему понедельнику. Прошедшие дни прочно улеглись в памяти, с детальнейшими, даже, может быть, излишними подробностями – достаточно заглянуть на нужную полочку. Стоит захотеть. И разве можно говорить, что я что-то пропустил – если я всё помню?

Да и происходило ли в эти дни хоть что-то, чему стоило уделить внимание? Визит к Гульнариным родителям, семейный выезд в супермаркет с походом в кино на утренний сеанс и торопливым перекусом в «Мак-Дональдсе», рабочие неурядицы, заурядные плановые переговоры, пара скучных посиделок, наполовину пропущенный вечерний сериал. Всё проистекало так обычно, что грань прожитого и «срезанного» сразу начала расплываться. Просто еще одна календарная строчка выщелкнулась из обоймы.

От скачка на неделю я не почувствовал раздражения – ведь двойное нажатие упрощало жизнь каждый раз, когда повторение будничных действий могло бы взорвать меня изнутри. Похоже, новая версия программы сама слепляла «срезы» в неразрывную цепочку, исходя из моих предпочтений... Из моих ли? Вслушавшись в себя, я убедился: да. Рутинатор работал безупречно.

Были за срезанную неделю и достижения – на другом, «стратегическом» уровне. Я почти отладил бизнес-процессы с Бишкекским филиалом. Тамошние ребята сражались за свою самостоятельность до последнего, но Жанна железной рукой перевела их в мое подчинение – торговых интересов у «Алги» в Киргизии пока не было, а все вопросы логистики автоматом замыкались на наш отдел. Мой помощник выехал в Бишкек. Под моим дистанционным контролем он внедрял правила документооборота и тренировал менеджеров, а заодно искоренял в местном управляющем последние симптомы сепаратизма.

И конечно же, я наконец-то продвинулся со сборкой Моста! Стоило загнать подготовку деталей в процедуру, дело пошло полным ходом. Вечерами я уединялся с макетом, и балку за балкой, плашку за плашкой встраивал в конструкцию. Это раньше приходилось себя уговаривать: пару деталек, ну давай! Моделирование, мол, – дело для терпеливых. Маленькими шагами – в долгий путь, и всё такое. Мост – сколько раз во сне я видел его собранным, законченным! Теперь всё будет по-другому. Когда я вижу цель, она всегда достижима!

Рутинатор послушно тренькал в руке, открывая в ускоренной прокрутке все новые кадры прошедшей недели. Притормаживать не хотелось – это всего лишь прошлое, причем не самое интересное прошлое. Хватит и общего обзора. Искусственно отстранившись от своей обычной жизни, охватывая ее взглядом не участника, а зрителя, я чувствовал себя весело и возбужденно, как будто сбежал из класса перед контрольной работой.

Как же существуют другие – девяносто девять и девять процентов людей: соседи и случайные прохожие, продавцы в магазинах и дорожные полицейские, солдаты-срочники и врачи в поликлиниках, футболисты и шахтеры, чабаны и министерские служащие, домохозяйки и торговцы цветами... Почему «Рутинатор» до сих пор не покорила мировой рынок, не вселился в каждый мобильный телефон, почему программа валяется на задворках Интернета в бесплатной скачке? Те, кто написал ее, должны бы давно стать миллиардерами – ведь жизнь каждого из нас состоит в основном из повторяющихся однообразных действий!

До конца рабочего дня я больше не пользовался рутинатором, получая глупое, шаловливое удовольствие от самых обычных дел. Зашел к Тэтчеровне, доложил по Бишкеку, выпил ароматного директорского кофе, изложил вкратце планы на осень по захвату мира. Эта часть работы мне нравилась: игра ума, обмен тонкими шутками, разговор профессионалов, знающих себе цену, ощущение того, что стоишь на ступеньку выше большинства не по протекции, не по случайному стечению обстоятельств, а заслуженно и по праву. Нет, визиты к Жанне Темиртасовне теперь, когда у меня снова всё наладилось с реализацией задач, к рутине я точно отнестись не мог.

В кабинете Тэтчеровны я и нашел ответ, почему «Рутинатор» до сих пор мало кому известен и не может распространиться. Проще простого: потому что тот, кто научился срезать рутину, ни за что не поделится своим умением! Это же конкурентное преимущество: ты включаешь автомат, и за тобой уже не угнаться. Сколько бы луддиты не бегали с факелами и топорами – где они теперь, эти луддиты? А станки – повсюду. Они победили.

И у вас большие перспективы, Дмитрий Александрович!

Я вернулся домой поздно, как и во все предыдущие срезанные дни. Пришлось брать такси – общественный транспорт работал-таки на троечку, и последнего троллейбуса можно было прождать минут сорок. А у меня не было лишних минут. Меня ждал Мост.

На входе в квартиру попытался угадать, кто дома: Гуля или Гульнара. Сразу разобраться не получилось – со мной поздоровались из кухни. Пока я мыл руки, на столе появилась тарелка с подогретым ужином, а жена ушла укладывать Максиму.

Вычурное гладиаторское имя почему-то прилипло к сыну, и он никак не хотел с ним расставаться. Лучше, чем «Максик» какой-нибудь, конечно, но пора бы парню начать превращаться в Макса или Максима... Как-то быстро он растет, подумалось вдруг. Прямо на глазах.

Мост был рад меня видеть. Заготовленные в выходные детали ждали монтажа. Мне нравилось работать без верхнего света. Стоваттная настольная лампа, которой я подсвечивал чертежи, отбрасывала от Моста сложную фигурную тень на стену. В кружевах света и тени ожидали тевтонские призраки и бряцали забралами.

Я даже не заметил появления жены. Она тихо подошла со спины, чуть повернула меня в кресле, обняла за шею, села на колени. Прижалась ко мне тем особенным образом, что не оставляет сомнений в намерениях.

Мне очень хотелось закончить с крепежом вант на левой опоре, но отодвинуться, отстраниться – значило: обидеть. Я ни в коем случае не хотел обижать Гулю, и мы плавно отдрейфовали в сторону кровати, на ходу теряя одежду. Едва не опрокинули торшер. Гуля смешно округлила глаза в притворном страхе и приложила палец к губам. Тс-с, Димкин, скрытность и незаметность – наши козыри в этой игре. Нельзя будить Максимуса, правда?

Мы стянули на пол тяжелое покрывало и скользнули в прохладу постельного белья. Всё это было бы здорово, чудесно и замечательно, если бы случилось впервые. Но наш маленький спектакль разыгрывался бесчисленное количество раз, и икс плюс первый выход актеров на сцену вряд ли мог внести в него принципиально новое звучание.

Гуля поцеловала меня в ключицу, провела носом по шее, тихонько укусила за ухо. Я подтянул ее к себе, длинным движением погладил от затылка до колена. Ты не виновата, девочка. И всё делаешь правильно. Просто сейчас не до тебя. Слишком много всего крутится в башке, и это мне сейчас интереснее.

Я нашупал лежащий в изголовье телефон и запустил рутинатор.

III

Осень-зима.

Узнаешь, где р. з.

Как ни странно, отношения с женой резко пошли на лад. Видимо, тот второй, полуавтоматический «я» гораздо четче следовал немудреным правилам совместной жизнедеятельности. В тех случаях, где у меня вскипела бы кровь или сорвало башню, мой близнец-дублер проявлял чудеса хладнокровия и разруливал любой назревающий конфликт, не скатываясь ни в смирение, ни в ссору. Я даже завидовал себе-тому, прокручивая нажатием кнопки срезаемые дни и недели: как же он ловко справляется со всеми неурядицами! Насколько внимательным и предупредительным умудряется быть!

Порой я даже чувствовал себя уязвленным: ведь и без рутинатора мог бы жить с Гулей именно так: не выпячивая самомнение, не игнорируя просьб о помощи, не отстраняясь от общих трудностей, подтверждая свое к ней отношение не только словами и ласками... Но во мне-мне пока не всё было в порядке – от усталости и безразличия опускались руки, нехватка времени бесила до изжоги и дрожи в пальцах, а каждый лишний контакт даже с самыми близкими людьми грозил взрывом.

С рутинатором станет легче – я был уверен в этом, словно за плечом появился невидимый помощник, доброжелательный джинн, быстрый и сметливый Труффальдино, освобождающий меня от всего, что не требовало особого внимания. Не извольте беспокоиться, синьор! Будет исполнено, синьор! Вместо звонкой монетки мой верный слуга довольствовался кусочками времени. Почти натуральный обмен.

Иногда это были всего лишь минуты, чаще – часы или дни. Пару раз мне случалось срезать неделю, как в первый раз после установки новой версии «Рутинатора». Теперь не требовалось «записывать» шаблон рутинного действия, кнопка «Сохранить и повторить» больше не появлялась. Программа четко распознавала, за какое дело я собираюсь взяться, и при вызове сразу брала управление на себя. Отсюда и ощущение, что дублер понимает тебя без слов...

Слипание срезаемых отрезков времени оказалось удобным новшеством. Рутинны самых разных видов и свойств идеально стыковались друг с другом, образуя продолжительные периоды времени, не требующие от меня ни экспромтов, ни размышлений. Утренняя гимнастика. Торопливый завтрак почти без слов – и Гуле и Максимусу предстоял нырок в собственную рутину. Транспортная суতোлка, выученные наизусть плакаты и рекламные щиты за замызганным троллейбусным стеклом, одни и те же остановки в том же порядке. Дежурное «сдобры-

мутром» при входе в отдел, однообразные разговоры, ожидаемые проблемки, нудные мозговые штурмы, выданные на-гора предсказуемые результаты. Впору повесить на лоб табличку «Не беспокоить!».

Но я выпадал из-под действия программы сразу, как только на горизонте появлялось любое значимое событие, которому стоило уделить внимание по-настоящему, – что-то не укладывающееся в рутину, требующее моего полноценного вмешательства – или интересное само по себе.

Я почти на полный день отключил рутинатор, когда Тэтчеровна назначила меня начальником отдела. Прослушал лестные отзывы о своей работе, принял поздравления коллег – большей частью искренние, освоился в новом кресле с непривычным видом из окна, устроил дома праздничный ужин – для всего этого мне и не требовался рутинатор! Всё другое, всё непривычное, мечты с иголки, фантазии из новой пачки.

Однако эйфория развеялась до обидного быстро. Уже через несколько дней я снова стал проваливаться во всё более долгие срезы. «Алга-Импорт» расцветала на глазах. Тэтчеровна заботилась о своем бизнесе, никогда не оставляя его без контроля надолго. Иногда мне казалось, что она давно пользуется рутинатором – иначе откуда обычной немолодой тетке взять столько энергии и упорства, чтобы изо дня в день тянуть ляжку – пусть и директорскую, из мягчайшей кожи ручной выделки, сшитую по лекалам от лучших дизайнеров мироздания, но всё же...

А я понемногу приходил в себя. Жизнь проскальзывала вперед на ускоренной перемотке – ровно в том темпе, чтобы мне было нескучно. И вне рутины я тоже стал быстрее, резче, легче на подъем. Почти разучился нормально писать – пальцы не поспевали за мыслью, и приходилось лепить одну к другой первые буквы слов, выкидывая остальное. Расстановка слов в предложении – тоже достаточно предсказуемая вещь. Каждый охотник ж. з., слезами г. не п., поспешишь – л. н.

Вне действия рутинатора я стал хуже и меньше спать – не успевая устать за день. Сначала боролся с бессонницей, пытался потихоньку возиться с Мостом, но мелкие детальки и кропотливое копошение с ними уже не давали былого удовольствия – результат, маячивший впереди, волновал меня куда больше, чем процесс. Я снова ложился, прилежно закрывал глаза, считал слонов, даты, деньги, фуры, овец, ворон, километражи, а когда это надоедало, просто-напросто запускал рутинатор. Уж дублер-то четко знал, что такое крепкий и здоровый сон.

Я едва смог проснуться, когда однажды ранним утром, опередив будильник, зазвонил телефон. Гуля, сняв трубку, вдруг странно замолчала, и это молчание бесцветным облаком расплзлось по комнате. Даже сквозь сон я почувствовал, что через телефонный кабель в дом просачивается беда. Потом Гуля резко и сильно затрясла меня за плечо, сунула трубку к уху и непонятно пояснила:

– Это про Гарика.

Я слушал безжизненный мужской голос, а сам пытался вспомнить, видел ли я раньше хоть раз Гарикова отца. Эти размышления хоть как-то отделили меня от сути того, что говорил незнакомый человек. Трасса на Усть-Каменогорск. Плохая видимость. Под откос. Мгновенно. Прощание в четверг. От морга отъезжаем в девять. Да, будем с женой.

Гарика хоронили на Кенсайском – в могилу деда. Сутолока на посадке в «пазики», десять километров негромких разговоров и ощущения безвозвратности времени... Мы дразнили его Рыжухой, прятали его учебники, морщились, когда родители ставили нам его в пример. Умничка! Такой умничка! А после школы многое сделалось неважно, быстро забылось, развеялось. Отличники мыкались без работы, двоечники матерели и брались за ум или за пистолет, троечники тихой сапой, на упорстве или на фарте, выбивались в бизнесмены да в чиновники. Все постепенно пристроились, нашли свою дорожку и двинулись кто куда. Дорога Гарика оборвалась где-то на пути в Усть-Кам, разом и навсегда, и теперь оставшиеся озирались, словно

не решались спросить друг друга: а в чем тогда был смысл всего? Учебы, шахматной школы, репетиторов, практики, усердия и стараний, маленьких побед и крошечных шагов вперед...

У могилы собралось столько народу, что мы видели только спины и спины.

– Привет, Гульнар, – негромко сказал Кайрат и пожал мне руку.

В черной толпе его притерло к нам – сам бы он, может, и не подошел бы. В автобусах я Кайрата не видел – значит, приехал на своей. Гуля кивнула ему в ответ. Когда-то мы были очень дружны, а потом одна дурацкая ссора вдруг подточила дружбу, разомкнула пути как железнодорожная стрелка. Повисла пауза. Молчание стало бы неудобным, если бы не соответствовало обстановке. Ничего говорить не требовалось. Впереди, за спинами, кто-то рыдал, кто-то сбивчиво выкрикивал грустные слова прощания. Нас здесь знала только мама Гарика, да еще пара одноклассников, так же мявшихся с ноги на ногу неподалеку.

На поминки мы ехать не собирались. Кайрат предложил подбросить до города. Гуля неожиданно согласилась.

В машине – потрепанном праворульном сарае – мне досталось «водительское» место, правда, без руля. Пытаясь склеить какую-никакую беседу, мы потыкались в биографические подробности школьных приятелей, но разговор быстро увял. Вспомнилось, как весело и непринужденно мы практически о том же самом трепались с Гариком – в тот памятный день, когда я впервые запустил рутинатор.

Почему же просто со знакомым легче найти общий язык, чем с другом? С Кайратом, а точнее, с Чипом – Чиполлино – мы просидели за одной партой семь лет, пока его родители не решились на переезд. Кайрат писал мне письма. Норильск, Дудинка, Тикси – по почтовым штемпелям можно было учить географию Заполярья. Тогда не было никаких предпосылок к тому, чтобы когда-нибудь снова оказаться соседями.

Семья Кайрата разобралась с гражданством, и он после школы отправился напрямик в российскую армию. Мой школьный друг был весь такой круглый, словно составленный из мячиков. Непослушные волосы норовили подняться на макушке смешным хохолком. Поверить было невозможно, что наш жизнерадостный Чиполлино оттрубит два года в десанте, а потом еще останется на сверхсрочную по контракту. Подумать только: прыгать с парашютом, снимать часовых... Хотя «Никто кроме нас» вполне ему подходило – Чип еще с младших классов влюбился в любую распрю, пытаясь примирить спорщиков, разнять драчунов и частенько огребал от обеих сторон конфликта.

Наша переписка прервалась не сразу, и так же не сразу мы возобновили общение, когда он вернулся в Алма-Ату. Наверное, потому что это был не совсем тот человек, что уехал двенадцать лет назад. Я никогда не спрашивал Кайрата, где и в какие передрыги его забрасывало. А сам он был на удивление несловоохотлив. Толком не успев сдружиться вновь, мы умудрились рассориться из-за ерунды – неудачной шутки, обидевшей Гулю. Мне надо было заступиться за жену, и я заступился. Но и в защиту Кайрата нашлось немало веских доводов. Так я поругался с обоими. С Гулей-то мы помирились быстро, а вот старый друг воспринял всё слишком всерьез.

Кайрат вел довольно резко, скашивая дуги серпантина, то и дело высовывая меня на встречу через двойную сплошную. Порой я инстинктивно начинал жать ногами несуществующие педали.

Мы уже въехали в город, когда он напоследок попробовал вновь завести беседу. Я был благодарен ему за эту попытку, хотя и так уже было ясно, что прошлое отчеркнуто, списано в архив, что дружба из чего-то осязаемого и живого уже переродилась в абстрактный скелет, музейное чучело.

– Странно так встречаться, – сказал он. – Плохо. Я вчера еду по Сатпаева, вдруг вижу тебя у «Рахат Паласа». Сначала думаю: дай хоть остановлюсь, парой слов перекинемся. А потом прикинул: ведь завтра на похороны. Там и увидимся. Вот...

– А что ты в центре делал? – удивилась Гуля.

Вопрос адресовался мне, разумеется.

– Я вчера в офисе – как пчелка в улье. Обознался, – сказал я Кайрату. – Когда за рулем, прохожие все на одно лицо.

– Может, и так, – не стал спорить он. – Гарика жалко.

Тут тоже спорить было не о чем, и в салоне вновь стало тихо.

Кайрат высадил нас почти у дома. Прощание получилось буднично-нейтральным. Никаких там «увидимся» или «до скорого». «Давай», «пока», «спасибо, что подвез» – по смыслу как «до свидания», но никаких «свиданий», конечно же, не планировалось. Как позже выяснилось, не планировалось только мной.

На следующий день я, как правильный, выбрался на перекус между часом и двумя. Еще одно преимущество рутинатора – тяга к режиму. Делу – время, но и отдыху – тоже время. Утренняя рутина отпустила меня только за обеденным столом. Я привычно проморгался, пока фиолетовые тени и контуры не истаяли без следа. На смену тонкому аромату полевых цветов пришел естественный «фон» общепита – запах свежих лепешек, жарящихся котлет, горячей воды, отголоски сигаретного дыма.

Кайрат взялся из ниоткуда – и плюхнулся на диван напротив меня. Не спросив разрешения, по-свойски.

Я всего лишь собирался в одиночестве утолить голод. Никакая компания мне для этого простого мероприятия не требовалась. Чип-Чип-Чип, мне давно стало скучно с тобой, и говорить нам особо не о чем, ты же сам всё понимаешь и чувствуешь, так зачем ты здесь? Телефон лежал рядом с тарелкой, и решение срезать ненужную застольную болтовню показалось разумным и естественным. Я приветственно кивнул возмутителю моего спокойствия и потянулся к заветной клавише с домиком.

– Руки от трубы! – неожиданно рявкнул Кайрат.

Наверное, это в армии учат так по-особенному повышать голос. Я отдернул пальцы от мобильного. Сердце заколотилось набатом.

– Ты чего, Чип? Командовать мной вздумал? Всем стоять, полиция Лос-Анджелеса?

А он вдруг рванулся вперед, молниеносно схватил мой телефон и сунул в карман.

– Давай поговорим без подручных средств, – сказал Кайрат. – Тема важная, а мобилы отвлекают.

– Отдай телефон, – медленно произнес я, глядя на обидчика исподлобья.

– А то что? – нагло ответил тот.

Вместо ответа я прыгнул вперед. Пальцы сами скрючились, превращая руки в звериные лапы. Я готов был вцепиться мерзавцу в горло. Как он посмел взять мой рутинатор?!

Наверное, это здорово смотрелось со стороны. Тело мое красиво и хищно перелетело через обеденный стол, сметая коленками солонки и перечницы. Но Кайрат оказался где-то сбоку и вне пределов досягаемости. Я рухнул вперед, лбом в диванную спинку, а уже в следующее мгновение заломленная за спину рука и болезненный тычок в ребра подтвердили мои худшие опасения: вряд ли без подготовки можно совладать с чертовым десантником, даже если это всего-навсего Чиполлино, наш незадачливый увалень, объект насмешек всего класса.

– Всё хорошо, всё нормально! – крикнул Кайрат спешащей к нашему столику официантке. – Друган – спортсмен, прием мне показывает!

Та что-то буркнула в ответ и ушла на кухню.

– Остыл? – спросил Чиполлино, немного ослабляя хват.

Я кивнул.

– Рубашку поправь и сядь спокойно, поговорить надо.

Он занял мое место – получилось, что мы поменялись местами. Нас снова разделял стол.

– Зачем соврал? – спросил Кайрат.

Врать ему у меня не было причин – ни по какому поводу.

– После кладбища, – уточнил он, – я спросил про «Рахат Палас», а ты прикинулся, что знать ничего не знаешь.

Я возмутился:

– Что – знать? Я на Сагпаева года полтора не был.

– Хорошо подумал? – В голосе одноклассника появились настораживающие холодные нотки.

– Так, стоп! – Я поднял перед собой ладони. – Тут какая-то лажа. Давай нормально рассказывай: в чем дело?

Кайрат хмыкнул:

– Не знал бы тебя, как облупленного, давно сдал бы своему шефу. Или сразу Тэтчеровне.

Он достал из-за пазухи и развернул сложенный пополам листок с фотографией. На снимке, сделанном откуда-то сверху, похожий на меня парень поднимался по ступеням. Дата в углу – недельной давности, половина восьмого вечера.

С трудом сопоставив свои дела с календарем, я удостоверился, что в тот день допоздна готовил документы по Бишкеку. И, разумеется, ни в какой «Рахат Палас» не ездил. Пальцы прямо чесались нажать кнопку рутинатора, но телефон был у Кайрата.

– Говоришь, допоздна, – он положил передо мной вторую бумажку – обрывок рулонного листа с перфорацией. – «Алга-Импорт», распечатка с турникета на входе.

Та же дата, четыре строчки корявых матричных буковок. Стрелка вправо – вход, стрелка влево – выход. Пропуск номер такой-то, владелец – я, прибыл на работу в 08:56, вышел в 18:50, вернулся в 21:21, окончательно свалил в 23:30.

– Комната четыреста шесть, – негромко сказал Кайрат. – «Рахат Палас», девятнадцать тридцать, посетитель в четыреста шестой к господину Кхонг Шин Сы, гостю из Китайской Народной. Показать выписку с ресепшена?

– Дай, пожалуйста, телефон, – попросил я. – На минутку.

– Только без звонков и эсэмэсок, – Кайрат вернул мне мобильник. – А то восприму как недружественный акт.

Опустив глаза и убрав руку с телефоном ниже уровня стола, я вошел в рутинатор через меню, нашел в календаре нужную дату, из выпавшего контекстного списка выбрал «Обновить». Запрошенный день всплыл в памяти, как подводная лодка, выпрыгивающая на поверхность моря. Струи желаний и намерений хлещут по верхней палубе, водопады эмоций, слов, встреч, занятий стекают с корпуса, омывая капитанскую рубку.

– Какая-то ерунда. Я стопроцентно уверен, что не выходил из офиса.

Кайрат вынул распечатку у меня из-под руки.

– Предлагаешь рассматривать версию о переодетом артисте с временно украденным у тебя пропуском?

Я не ответил, только крепче сжал губы. Сам передал ему назад мобильник.

– Диман, – сказал Кайрат неприятно доверительным тоном, – ты хотя бы мне объясни, без передачи, что у вас за дела с Шин Сы! Он же не просто так приехал, он на тот год с «Алгой» контракт готовит. При таких раскладах ваша встреча выглядит очень странно. И лучше все странности снять прямо сейчас, пока мне не пришлось своего шефа вводить в курс.

«Шеф» – начальник отдела безопасности компании «АлгаИмпорт», пришел к нам из министерства сразу после выхода на пенсию, эмвэдэшные корочки остыть не успели. Люди с таким опытом, связями и весом легко находят работу в частном бизнесе. Тэтчеровна ценила его безмерно, а «шеф» отвечал настолько ответственным подходом к кругу своих обязанностей, что в этом иногда проглядывала параноидальная симптоматика.

– И еще: зачем телефон просил?

– Кайрат, – спросил я, – скажи, ты мне веришь?

– Пока да, – прямолинейно ответил он. – Хотелось бы и дальше.

– Тогда попробуй переварить...

Я, как мог коротко, изложил ему суть. Не как рутинатор работает – этого я не знал, а что он делает. Рассказал о том, насколько облегчилась моя жизнь. Про успехи на службе, про покой в семье. Он изредка задавал наводящие вопросы, что-то уточнял. Потом я закончил, и мы пару минут просидели молча.

– Ты хоть слышишь себя со стороны? – наконец поинтересовался Кайрат.

Что ж, я и не надеялся, что он воспримет правду. Но попытаться стоило.

– Ты говоришь, что загруженный в мобилу софт выносит тебе мозги так, что ты толком не можешь вспомнить, чем занимался! Нет?

Если он что-то и усвоил, то крайне примитивно. Армейский минималистский подход.

– И вот в состоянии лунатизма ты выходишь из офиса, едешь через полгорода, что-то перетираешь с китайцем, которого даже в глаза не видел. Возвращаешься назад и начисто забываешь, где был и что делал. И волшебная кнопка в мобильнике тоже не помогает, а?

– Ты не так понял... – попытался возразить я.

– Всё я понял как надо, – оборвал меня он. – Съел и переварил.

Повисла бестолковая пауза. Мы оба оказались на перепутье, и каждый втайне надеялся, что другой сделает первый шаг вперед.

– Просто попробуй, – сказал я.

– Что?!

В его голосе было столько презрения – или брезгливости, – что меня это задело.

– Сначала спрашиваешь, верю ли я тебе. Да, говорю я, стараюсь! Развесив уши, слушаю образцовую небылицу. Полный бред, но я заставляю себя поверить. Это же Диман, мы за одной партой, и всё такое. Просил поверить? Верю. Верю! И тут же – что? А вот что: мой добрый дружок-корешок всерьез предлагает: запусти-ка, Чип, эту гнусь себе в голову и посмотри, что получится!

Редкие посетители поглядывали на нас настороженно.

– Пока не попробуешь, не поймешь... – смешался я.

Кайрат отрицательно помотал головой:

– А не всё стоит пробовать в этой жизни. Тебе ли не знать. У нас четверть класса скурилась да скололась. Допробовались, бляха муха!

– Это просто программа!

– Которая перехватывает управление, Диман. Управление тобой. Твоим кочаном. Либо ты меня дуришь. И тогда я – идиот, а ты – сука.

– Ты не идиот, – сказал я. – Ты Чиполлино.

Секунду он молчал, а потом мы оба засмеялись.

– А Чиполлино, – Кайрат погрозил мне пальцем, – всегда стоит на стороне добра. И поэтому не лезет в сомнительные схемы. И делает то, что умеет. А что я умею, как ты думаешь? Правильно думаешь! Красться, нападать, стрелять. Убивать при необходимости. Так что мне совсем не нравится идея, что кто-то овладеет моим телом и воспользуется вложенными в него навыками.

– Ерунда какая-то, – повторил я. – Не пойму, как теперь что. Всё было классно.

– Что именно – классно? – уточнил он. – Уколоться и забыться?

– Да пошел ты! При чем тут наркота?

– А эффект похожий. Не снаружи – изнутри. Так-то всё чин по чину – усердие, трудолюбие, пашешь с рассвета до заката, Тэтчеровна для тебя вот-вот доску почета заведет. Но это ж на чужом горбу, а? Сам же чуешь! По шучьему велению вставай, печка, к лесу задом! Всё – морок, всё – дурман. Не внутри – снаружи. Твои успехи – не твои, твое время – сдано в лизинг. Скажи-ка, можешь прямо сейчас выкинуть эту хреновину?

Я непроизвольно сжал кулаки и почувствовал, как взмокли ладони.

– Ты на игле, дружище! – поставил диагноз Кайрат. – Эта дрянь жрет твоё нутро. Где ты вообще на неё натолкнулся?

– Гарик дал, – тихо сказал я.

Кайрат уставился сквозь меня. В его взгляде крутились шестеренки, ключи входили в замки, выступы цеплялись за пазы, тугой механизм вырабатывал мысль.

– Твою ж мать! – шепотом резюмировал он. – Сиди здесь, никуда не дергайся, я вернусь через полчаса.

Кайрат приподнялся с дивана и по-крабьи выбрался из-за стола. У него в кармане зазвонил мой телефон.

– Гуля, наверное, – объяснил я.

Два звонка, три.

Кайрат протянул мне мобильник. Как же всё тошно и страшно. Взяв телефон в руку, я без раздумий сбросил звонок и вдавил клавишу рутинатора.

Исчез стол, исчезли уютные диванчики вместе с барной стойкой, полом и крышей, и заряд колючего, совсем зимнего снега хлестанул меня по щекам. Я стоял без шапки на морозе, в сумерках, и золотым заревом вдалеке светилась Алма-Ата. Кресты, шесты, звезды и столбы черными силуэтами проступали на фоне сиреневого неба, отбрасывая фиолетовые тени. Снежинки таяли на губах запахом полевых цветов, с хрустальным звоном бились о чугунные оградки Кенсайского кладбища.

Я стоял перед могилой Гарика. Холм уже почти осел, цветы сгнили и заледенели. Белая крупа забила во все неровности почвы, собралась на черных лепестках и листьях. Руки коченели в задубелых карманах зимней куртки.

– Чиполлино, отдай мобилу, – попросил я.

Даже не зная, здесь ли он. Просто предположил.

– Сначала скажи, какое сегодня число, наркольша недоделанный!

Он стоял за спиной, в нескольких шагах. Даже если я брошусь на него, одного прыжка не хватит. Он сильнее и опытнее. Гад!

Мысли разбредались как овечки по склону, а чабану было не до них. Чабан искал свой спасительный телефон с волшебной кнопкой «Хоум». «Хоум» – домой! Как попасть домой, в свою собственную жизнь, когда этот гад снова отнял мой мобильник?!

– Число, – настаивал он. – Не помнишь? Тебя же сейчас любая психушка забесплатно примет! Давай, Диман, давай, вспоминай, сколько ты от меня бегал!

Я? Бегал? Бессильная злость накатила как цунами. Бегать еще от этого уroda!

– Я тебя просто игнорировал, ясно? – крикнул я, наконец, к нему повернувшись. – Потому что ты у меня в печенках уже сидишь! Вторую неделю прохода не даешь!

Это было сказано наугад. В тумане незнакомой реальности, без рутинатора под рукой, я никак не мог найти опору, точку отсчета, чтобы сориентироваться во времени.

– Вторую? – издевательски засмеялся Кайрат. – Молодца, лунатик, на широкую ногу живешь! Календарь бы тебе не помешал. Жаль, с новогодними подарками я опоздал немного!

Как удар в челюсть.

– Что говоришь такое? – Я зажмурился, сгорбился, сжал щеки ладонями.

Какой Новый год, что он несет?!

– Двенадцатое января, говорю. Хэппи Нью Йир, Диман! Сердечные поздравления от «Хай Мун Инкорпорейтед»!

Щемящая пустота, черная дыра раскрылась в легких, пустила щупальца в желудок и в глотку. Запершило в горле, на глазах навернулись слезы.

– Отдай телефон! Пожалуйста!

Я готов был просить, канючить, клянчить, валяться у него в ногах, ползти за ним на коленях – или обхватить руками его бычьей шею, воткнуть пальцы в кадык и сжимать хватку, пока гадская луковая голова не оторвется к чертям. Чтобы потом забрать свой рутинатор и быстро разобраться, что я, где и когда.

Но Кайрат отволок меня в машину и повез прочь. Какой-то сторбленный старик закрыл за нами кладбищенские ворота. Печка дышала в лицо горячей сыростью, дорога едва угадывалась сквозь запотевшие окна, из дверных щелей тянуло льдом и ночью. Двенадцатое января. Неужели правда?

– Ты в беде, Диман. Хоть сам это понимаешь?

Я сидел скрючившись, сжав коленями заледеневшие ладони. Тупо ныла левая скула.

– Ты что, меня бил?

– Самую малость. До сих пор не верю, что, наконец, с тобой разговариваю. Боялся, заберу телефон, а ты всё равно останешься в трансе. «Под рутинатором» – так это называется? Сколько ты у же?.. Что последнее помнишь?

Двенадцатое января. Декабрь, ноябрь, октябрь. Максовы каникулы... двое каникул. Новый год. Ничего нет. В башке на этом месте – плотный занавес, туман, барьер.

– С нашей встречи. Позвонила Гуля, ты отдал телефон.

– И вот мы здесь, – подытожил Кайрат. – Зашибись.

– Зачем мы сюда приехали? – спросил я.

– Ты сам приехал.

Кайрат помолчал, а потом добавил:

– Чтобы вытащить тебя.

– Зачем?

– Мы же друзья, нет?

Я кивнул и одновременно пожал плечами. Если смотреть по отдельности, то кивок – согласие, плечи – сомнение. Но вместе – этакое «само собой разумеется, елы-палы!».

Ни в чем я не был уверен и, получается, соврал Кайрату – даже без слов.

Мы долго петляли по незнакомому проселку и вдруг неожиданно въехали в Алма-Ату. Окна многоэтажек горели желтыми, оранжевыми, белыми огнями, в некоторых промелькивали силуэты людей, переливались радугой отсветы телевизионных экранов – шла обычная, будничная, рутинная жизнь.

– А мы куда? – спросил я.

– Думал, телефон спрячу, а тебя в плен увезу? – усмехнулся Кайрат. – Буду держать на привязи, как героинщика, пока ломка не пройдет? Не получится, Диман. «Рутинатор» лежит в свободной раздаче. Включить его снова – усилий никаких. Поэтому просто помни: сейчас, возможно, последний шанс избавиться от этой дряни. Нажмешь на кнопку... Я не знаю, встретимся ли тогда еще.

Он сунул мне в руку мой смартфон.

– Слушай внимательно. Китаец твой, Шин Сы...

– Он не мой.

– Хорошо, наш. Стратегический партнер компании «Алга-Импорт». Любимчик Тэтчеровны, ключик к несметным сокровищам и так далее.

– Ну?

– Он же – представитель компании «Хай Мун Инкорпорейтед», зарегистрированной в Гуанчжоу.

Меня слегка зазнобило. А Кайрат еще не закончил:

– Он же – крупный заказчик одной алма-атинской нотариальной конторы. Апостили, регистрация представительства, заверение документов, выезд на сделки. Приоритетное обслужива-

живание, статус «золотого клиента». А теперь догадайся, кто в этой нотариальной конторе вел персональное обслуживание господина Кхонг Шин Сы.

Это был уже не озноб. Настоящий колотун.

«Думаешь, у нас в нотариате рутины мало?»

– Кто-то в курсе? – выдал из себя я.

– Менты дело давно закрыли – чистый несчастный случай, никаких противоречащих признаков. Тэтчеровна отмахнулась, как от мухи. Она на этого Шин Сы молиться готова. Шеф решил повозиться – не за счет конторы и не в ущерб рабочему времени. Вот, вожусь.

Тут нужно было что-то сказать, но голову словно набили ватой, и я целую минуту так и сяк крутил разные слова, составляя их в совсем простую фразу:

– Я могу помочь?

Кайрат бросил на меня короткий взгляд и снова уставился на дорогу. Мы уже повернули в Турксибский район, до моего дома оставалось минут пять езды.

– Я хочу помочь.

– Сначала реши, что делать с этим, – он показал пальцем на телефон в моей руке.

Человеку, расставшемуся с сигаретой, лучше выбирать столик в зале для некурящих. Бывшего алкоголика лучше не провоцировать традиционным «на посошок».

Я попросил Кайрата притормозить у магазина мобильной связи. Выбрал на витрине простую и недорогую китайскую трубку «Сезам». Совсем недавно мы такие оформляли на ввоз, тонны три. Минимум функций, крепкий корпус, надежная батарейка, больше ничего не требовалось. Переставив сим-карту, я отдал старую трубку Кайрату:

– Ты у нас вроде как не на игле? Спрячь куда-нибудь... до лучших времен.

Что это будут за времена, когда они наступят и благодаря чему – нет, вряд ли кто-то на всем белом свете мог бы дать осмысленный прогноз.

Дома было пусто, на кухонном столе записка от сына. «Уехали к бабушке с ночевой. Дядя А. приехал из Ч., дед готовит дымляму. Позвони маме, а то она сердится, что ты трубку не берешь. А лучше приезжай! MAXIMUS».

Я побродил по пустым комнатам. Я тут жил... Я тут живу. Пусто-пусто-пусто в голове. Рутинатор вырвал клочок моей жизни. Но без него я не смогу вспомнить, что происходило, что сейчас важно и срочно, а что ушло на второй план. Я не знаю даже, как мы провели новогоднюю ночь!

Хотя кто это «мы»? Гуля, Максимус и мой дублер, вот кто. Уж меня-то там точно не было.

На столе под простыней двугорбился макет. Я осторожно снял ткань и уставился на то, что пряталось под ней. Чужое, чужеродное. Собранная, завершенная моими руками, но не моим сердцем деревянная конструкция. Идеально склеенная уменьшенная копия никому не известного моста. Поделка для сельского дома культуры или кружка «Юный моделист».

Передо мной стоял мост. Просто мост, и в нем не было ничего моего. И уж тем более – ничего от моего папы. Мертвый хлам со спичечной фабрики.

Ощущение, что меня обманули, нарастало с каждым толчком пульса. Кидалы, наперсточники, поездные каталы, как, когда вы успели вывернуть карманы моей души?!

Я выволок макет во двор. За гаражами узкая неосвещенная тропинка петляла к арыку. Поваленный карагач огромным комлем отгораживал от любопытных глаз небольшую площадку – любимое место сбора окрестной шпаны. Посреди вытоптанной в снегу плешки чернело кострище. Несколько бревен давно превратились в лавочки. Там и сям валялись пластиковые стаканчики, пустые бутылки и сигаретные пачки.

«Хай Мун»! Под какой высокой луной я успел заблудиться и как далеко забрел? Телефон просился в ладонь, большой палец инстинктивно вжимался в сгиб указательного – вызов, вызов, вызов спасительной процедуры! Если бы я не отдал смартфон с рутинатором Кайрату,

то еще неизвестно, удалось бы мне удержаться от нового среза. Нет, Диман, руки от трубы, не смей прятаться в программу!

Спички никак не хотели зажигаться, ломаясь об ободранный бок старого коробка одна за одной. А цел ли исходный, настоящий мост? Копию которого принес с собой в казахскую степь пленный немец? Подумалось мельком, не всерьез. От спички занялся лоскут мятой оберточной бумаги, одноразовый факел. Или какие-нибудь «летающие крепости» выпали на стратегическую переправу щедрый запас огня? Лиственница. Лучшее дерево. Сладковато-душистый дымок. Бомбовые люки открываются, стрекочет камера оператора, черно-белые кадры. Зажигалки валяются и валяются вниз, в квадраты полей и темные узоры лесов, и только экипаж знает, куда на самом деле нацелен удар. Первой занялась левая опора – изнутри, уютной лампочкой-ночник. Потом оранжевые языки выскользнули наружу, жадно облизали ванты, протянулись под полотном моста, словно взвешивая его на огненной ладони.

Прощай, сказал я, не осознавая, кому или чему. Сразу многому, огромному куску своей жизни, самому себе, отцу, детству и тысяче сложных, еле уловимых вещей, понятий, пристрастий, привычек, составлявших мое бестолковое «я». Аве, цезарь! Мосты полыхают, и теперь некуда отступить. Здесь всё будет новое, и рутинатор окажется бессилён.

С жадным треском огонь пожирал дело рук моих. Волшебное дерево лиственница плакало кипящей смолой. Мосту было, наверное, еще больнее, чем мне.

IV

Зима.

Из о. да в н.

Кто-то говорит «дымляма», кто-то – «думляма», «домляма», «димляма» и даже «дым-дама». Азербайджанцы и узбеки рьяно отстаивают право назвать ее своим национальным блюдом. Тесть мой об этих спорах отзывался снисходительно, сам готовил дымляму по-киргизски. Обжаренное в прокаленном масле мясо с луком становится в казане фундаментом многоэтажной конструкции из картофеля, капусты, помидоров, баклажанов, сладкого перца...

Выжатый, выпотрошенный, опустошенный, я приплелся за Гулей и Максимусом ближе к десяти вечера. Сочный щекочущий аромат дымлямы встретил меня еще на лестничной площадке. Дверь была приоткрыта, полоска яркого света зигзагом раскрасила ступени, из квартиры веяло теплом и радостной гостевой суетой.

Я любил, когда приезжали чимкентские родственники. Отвлекаясь на них, Гулины родители уделяли меньше пристального внимания единственному зятю, становились мягче и моложе, смешливее и легкомысленнее. Дядя Айдар был женат на тещиной сестре. Он всегда брал меня «под крыло»: мол, мужья «женщин этого семейства» должны держаться вместе; осыпал комплиментами Гулю, подтрунивал над Максимусом и вообще заполнял собой всё свободное пространство. Из комнаты в комнату перетекали веселые и серьезные разговоры, шахматные фигуры звонко стучали о доску, тихонько брэнчала гитара, эхом разливался хрустальный звон рюмок и бокалов.

Меня, как самого рослого, к столу усадили на низкий продавленный диван, Гуле досталось место напротив. Я украдкой смотрел на нее, пытаюсь понять, как мы жили в последнее время и всё ли у нас хорошо. Щемящее чувство упущенного, вычеркнутого времени то подступало куда-то к glandам, то отбрасывалось в желудок очередным глотком ледяной водки. Гуля один раз перехватила мой взгляд и с улыбкой качнула головой: что случилось? Ничего не случилось, милая. Я вернулся.

Ночевать мы не остались и вскоре после полуночи пешком отправились домой – решили по морозцу нагулять крепкий сон. Максимус как маленький взял нас за руки, и то устало пови-

сал, то приободрился и сразу пытался тащить нас за собой. Гуля пересказывала мне краткое содержание вечера до моего прихода, все свежие новости от чимкентских двоюродных сестер и братьев. Зимние звезды сверкали драгоценной россыпью, снег уютно скрипел под подошвами, рука сына грела ладонь даже через варежку. А ведь только что был октябрь...

В последующие дни каждый разговор превращался в пробежку по тонкому льду. Не знаешь, в какую секунду предательски хрустнет под ногами. На работе слово «напомни» стало моей фирменной фишкой. Мудро так сощуриваешь глаза, словно смотришь в глубины вечности, и говоришь: «напомни-ка...», или «я правильно помню, что...», или «если мне не изменяет память...»

Изменяет-изменяет. Еще как изменяет!

Память о последнем срезе возвращалась мучительно медленно. Но все-таки возвращалась. Вываливалась из ниоткуда шматками, липкими сгустками, заполняя дырявую картину мира недостающими фрагментами. Октябрь начал неохотно сдвигаться в прошлое, оттесняемый более поздними воспоминаниями.

С точки зрения логики и здравого смысла мой дублер вел себя безупречно. КПД его жизнедеятельности стремился к единице. Для достижения целей рутинатор оказался незаменимым устройством. Как говаривал Архимед, дайте мне рычаг, и я вам что-нибудь переверну! Все нравственные и моральные рассуждения меркли перед простым фактом: программа от «Хай Мун Инкорпорейтед» делает человека идеальным исполнителем собственного существования.

Однажды я поймал себя на том, что уже час сижу перед монитором не шевелясь и разглядываю загрузочную страницу «Рутинатора». Я-я, за которого теперь разворачивалась борьба, безудержно и бестолково сжигал свое время на любом пустяке. Каждая мелочь давалась с трудом, словно просилась назад в уютный алгоритм рутины. Я стискивал зубы и повторял себе: «Могу, могу, могу!» – понимая, что слаб, несобран, неэффективен. Но, в конце концов, зато это я!

Гуля ненароком подлила масла в огонь. Как-то раз удалось освободиться неожиданно рано. По приезде домой меня со страшной силой потянуло в сон. Заперев дверь на ключ, чтобы жена или сын могли открыть дверь снаружи, я, не раздеваясь, рухнул на кровать, закутался в плед и выключился.

Проснулся от лязга в замке. Гуля вошла в квартиру, не прерывая телефонного разговора с кем-то из подруг. Не зажигая света, скинула сапоги – бух, шмяк, – и прошла на кухню.

– Думаю, такая полоса пошла, – рассуждала она, – не черная и не белая, а серо-буро-малиновая. Год назад Димка совсем бешеный был, чуть что – сразу на нервах, слова не скажи. Летом полегчало: хоть и не отдыхали нигде, зато ремонт сделали, а перемена деятельности – тоже отдых, правда же? Димка после ремонта как-то даже поменялся, поспокойнее стал. И по работе у него всё пошло, начальником отдела назначили, я не рассказывала? Чаше встречаться надо, ага! В общем, всё выровнялось, утряслось... Только почему-то теперь скучаю по чему-то... Почему-то – по чему-то, смешно, да? Нет, мне не смешно, а иногда и вообще тошно. Дни – как квадратики в календаре, и Димка такой же квадратный, только спрошу что-нибудь, а ответ сама заранее знаю, или он рот откроет, а слова все знакомые, угадываемые, понимаешь? Какая разница, сколько лет женаты? Тебе легко советовать – три развода, и все по любви... Слушай, извини, а? Несу что попало. Я не нарочно. Просто что-то совсем расклеилась. И Димка после новогодних опять сам не свой, почти как год назад...

Когда же я расскажу Гуле про рутинатор, задумался я. Похоже, никогда. Ничто не располагает к опрометчивым поступкам. Пусть уж этот скелет мирно истлеет в моем персональном шкафу. Сотня-другая серо-буро-малиновых квадратиков, и всё забудется, уйдет в архив... Бешеный, надо же! В душе плескалась прогорклая смесь грусти, обиды и сочувствия. Гулька, так не должно быть!

И что делать-то?! Еще недавно ответ был бы прост и короток: дотянуться до телефона и дважды вдавнить «Хоум». Но этот путь мне-мне уже слишком дорого обошелся. Я лишь крепче зажмурился – и неожиданно снова провалился в сон, оставив за бортом все проблемы никудышной реальности.

Единственным якорем, зацепкой в первые недели после отказа от срезов оказался Кайрат. Мы натыкались друг на друга раз в несколько дней, и то выпивали по чашке кофе, то про-сигивали штаны, взяв по кружке пива, а однажды даже завалились к нему в гости и располовинили что-то односолодовое. Чип и впрямь спешил на помощь. Он ни разу не отказался от встречи, не сослался на дела. Что называется, являлся по первому зову. Я в шутку называл его доктором, он меня – пациентом. Так себе была шутка – слишком похожа на правду.

– Ты не въезжаешь, старик! – яростно шептал я, размахивая стаканом. – Отведенный интервал, конечный срок, рамки от и до. Множим секунды на минуты, на часы, на дни и годы, и даже в секундах результат не так уж велик! И я, который «Я», который дискретная познавшая саму себя единица, одинокая мистическая сущность – ну почему я должен тратить эти крохи времени на вечно и тупо повторяющиеся действия, на чавканье челюстями, на заполнение бумажек, на перемещение по давно протоптанным тропам? Ну жалко же времени, Чип!

– Думаю, – отвечал Кайрат, – пройтись тебе надо. Тропа известная, зато короткая. А как в сортир зайдешь, сразу вся одинокая мистическая сущность и улетучится куда-нибудь.

Я злился на его приземленность, раздражался на нежелание хотя бы на минуту встать на мою точку зрения. Но после каждой встречи мне становилось чуточку легче, и тяга к рутинатору ослабевала.

– Ты, помню, хотел помочь? – Однажды в середине февраля Кайрат выцепил меня из толпы спешащего на обед офисного люда. – Тогда давай метнемся по-быстрому.

До его дома долетели дворами за три минуты.

– Знакомься, это Диман, – сказал Кайрат, вводя меня в комнату. – Диман, это Бикфорд, наш компьютерный гуру. Золотые руки.

Существо, поднявшееся мне навстречу с дивана, очень мало походило на гуру, а слово «компьютерный» к нему вообще некуда было прикладывать. В половине американских боевиков ближе к концу фильма появляется такой персонаж, и герою приходится переходить на следующий уровень, чтобы с ним справиться. Бесформенный нос, ломаные уши, покатый лоб, рваная верхняя губа. Накачанный борцовский загрибок.

– Бикфорд, – представилось существо, и мои пальцы хрустнули, как будто их сжало струбциной.

– Я ему твой телефон отдал, – пояснил Кайрат. – Ты же не против?

Я развел руками – чего теперь-то спрашивать?

Бикфорд дружелюбно оскалился.

– Ты в курсе, что у наших торгашей делается? – уточнил Кайрат. – Рассказываю вкратце. В начале марта «Алга» окончательно подписывается с «Хай Муном». Всё утрясли, всё согласовали. Сделка миллионов на пятьдесят, не в тенге и не в юанях. И даже не в рублях, представь себе, хотя основной поток товара пойдет на Москву. Планшеты, ноутбуки, мобильные телефоны. Шин Сы улетел, за него здесь один перец из местных отдувается, руководитель филиала.

– А техника чья? – поинтересовался я.

– Хороший вопрос, к тому же естественный для человека, которому предстоит этот хлам таможить. Так вот, там все основные марки. И «Леново», и «Сезам», и «Ти Эйч Эль». Как пылесосом по всему Кантону прошлись. А в контракте...

– Ты и контракт уже видел?

– Ну, не то чтобы видел – так, поймел возможность заглянуть вполглаза. Там отличный такой пунктик имеется малопримечательный. Что поставщик – наиобычайший торго-

вый посредник, хай его мун, – имеет право в рекламных целях бесплатно предынсталлировать на все эти устройства софт собственного производства. Халява, сэр!

Понадобилась пара секунд, чтобы до меня «дошло». Пыльный скелет не захотел скучать в шкафу. «Рутинатор в каждый дом!»

Я пододвинул стул и сел.

– Вижу, новость не слишком вдохновляет? – заметил Кайрат. – Меня тоже.

– И что мы можем сделать? – вяло спросил я.

Пятьдесят миллионов. Молодец, Тэтчеровна. Догнула свою линию.

– После того, что сообщил Бикфорд, – продолжил Кайрат, – я вообще не понимаю...

– Что не понимаешь?

– Ничего не понимаю. Давай, Бикфорд, ознакомь нашего испытателя перспективных технологий с последними вводными.

Существо-золотые-руки пару секунд собиралось с мыслями, а потом начало как с полфразы:

– Короче, подключился напрямую к плате. Трубку разобрал немножко, не сердись. Пошарился, потыкался, нашел программу, декомпилировал. Софт как софт. С картинками, менюшками и вообще интерфейсом проблем нет – всё просто, примитивно, любой студент на коленке за два дня слепит. А вот сам рабочий кусок кода – какая-то хрень. Бессмысленные действия. Гоняет случайные комбинации битов из ячейки в ячейку. По всем понятиям – пустышка, кукла, фуфел.

– Плацебо, – подсказал Кайрат. – Выглядит как лекарство, но не лечит. Программа, которая отправляет тебя в аут, Диман, – вовсе и не программа. Видимость одна. И я бы окончательно решил, что ты просто перетрудился в «Алге». Если бы не Бикфорд.

Тот посмотрел на меня, а я на него.

– Ты попробовал, да? – догадался я.

– «Рутинатор» работает, – подтвердил Бикфорд. – Сожрал у меня с первого раза часа три. Только код всё равно так не пишется. Людьми, по крайней мере. И это меня пугает.

Что-то может напугать такого громилу? Мысль была не слишком приятной.

– С тех пор, как ты рассказал про эту дрянь, мне беспокойно, – сказал Кайрат. – Чересчур хорошее воображение. Идешь по улице и думаешь: сколько зомби вокруг? На автомате, биороботы, марионетки. И их всё больше и больше. Надо что-то делать. Каждый день так себе говорю, и каждый день отвечаю: а что? С кем сражаться? В какие двери ломиться? Мы даже не можем понять, что это такое!

Мне стало неудобно, почти стыдно: за всё время после отказа от рутинатора я ни единого разу не задумался о других юзерах. О том, что кто-то втыкает клавишу и выпадает из мира, подмененный безупречным дублером.

– С этой байдой никуда не сунешься, – подтвердил Бикфорд. – Сначала в дурку упекут, а потом уже разбираться будут.

– В лоб не получится, – согласился я. – Нужен мозговой штурм.

Бикфорд шевельнул покореженной шрамами бровью. Наверное, пытался изобразить недоумение.

– На их языке, – объяснил ему Кайрат, без стеснения отделяя себя от меня, – так говорят, когда имеют в виду, что нужно включить соображалку.

– А-а, ну штурм так штурм, – согласился компьютерщик, потирая трудовые мозоли на костяшках пальцев. – Поехали, заводи мотор!

Я отзвонился на работу, предупредил, что задерживаюсь. Кайрат притащил поднос с пузатым чайником и маленькими турецкими стаканчиками. Бикфорд устроился на диване в углу, места в комнате сразу стало чуть больше.

– Попробуем ответить на несколько вопросов, – начал я, устроившись с блокнотом на табурете у обшарпанного пианино. – Ответы подходят любые – глупые, нереальные, смешные – не важно! Перебираем все возможные варианты, ничего не отбрасываем. Итак, что нас интересует?

– Как эта хрень работает, – сказал Кайрат.

– Это тоже. А для начала – кто ее сделал. Написал, создал. Во-вторых, для чего.

– Если говорить про «кто», – сказал Бикфорд, – то у меня три варианта. Нет, четыре. Китайская разведка или инопланетяне. Или искусственный интеллект.

– Ты сказал, четыре? – уточнил я, записывая в столбик: «Китай. р.», «Инопл.», «ИИ».

– Или мировая закулиса, – смущенно добавил программист. – Мы мыслим рамками государств, а на самом деле глобальные решения давно принимаются транснациональными монстрами, которые круче любого государства.

– Гипнотизеры, – предложил Кайрат. – Мошенники, спецы по НЛП или чему-то такому, что люди потом не помнят, где что делали. Организованная группировка с баблом, связями, головастыми и рукастыми инженерами. Обчистят полмира и...

Он замялся.

– Слишком удобный вариант, да? – спросил Бикфорд.

– И слишком успокаивающий.

– Почему это? – удивился я.

– Потому что предполагается, что потом от нас отстанут, – зло ответил Кайрат. – Но так не бывает! Корову доят, пока она не сдохнет. А еще нас учили: ранжируйте угрозы. С первоочередными надо разбираться сразу – иначе они первыми разберутся с тобой. Гранатометчик в окне важнее танка за углом. И сейчас у меня вот тут, – он постучал кулаком по голове, – просто колокола звенят: тревога! Аларм!

– Погоди, – попросил я, – про тревогу сейчас не надо. Еще версии есть? Нет? Тогда добавлю от себя: это вообще люди?

– Инопланетяне, – охотно согласился программист.

– Или сверхъестественные существа? Потусторонние силы?

– Вот только про духов и демонов не надо! – скривился Кайрат. – Меня от всякой мистики тошнит.

– Мало ли – может, и ее от тебя тоже, – возразил Бикфорд.

– Что мы имеем? – продолжил я. – Некая китайская компашка впаривает через Интернет сомнительный программный продукт. И от этого продукта у людей немного едет крыша. Так? А теперь, похоже, планируется построить эту программу в половину гаджетов, которые ввозятся из Китая. Зачем?

– Извлечение выгоды, – сказал Кайрат.

– Власть, – возразил Бикфорд.

– Контроль за пределами нашего понимания, – предложил я. – Изъятие неизмеряемых активов. Похищение душ. Сказка о потерянном времени. Подмена людей копиями.

– Захват Земли! – подхватил программист. – Инопланетяне!

Мы проговорили довольно долго.

Как обычно бывает после «мозговых штурмов», все почувствовали удовлетворение от проделанной работы, а дело с мертвой точки не сдвинулось ни на шаг. Хотя, впрочем, родился какой-никакой план действий.

Я вернулся в офис к концу дня. С головой, легкой как воздушный шарик. В кои-то веки появилось нечто, по-настоящему меня занимающее. Задача без подсказок и алгоритмов решения. Тропинка, уводящая в темный лес.

Наш незамысловатый план пока включал в себя лишь сбор информации. Бикфорд взялся разведать про «Хай Мун» в Китае – это помимо возни с программным кодом. Кайрат наметил

по своим каналам узнать побольше о представителе Кхонга Шин Сы в Казахстане и связаться с коллегами в России для пробивки фирмы – конечного получателя той зараженной рутинатором техники, что вот-вот должна была хлынуть из Китая по контракту века. Мне досталась вполне шпионская задача – добыть в «Алге-Импорт» максимум сведений о предстоящей сделке и, собственно, о «Хай Мун Инкорпорейтед». Свой среди чужих, один в поле воин, майор Вихрь и Донатас Банионис в одном флаконе. Впору было раскладывать перед собой фотографии коллег и под тихую тревожную музыку пытаться угадать, к кому из них можно было бы прийти с нашей неправдоподобной историей.

Я зачастил в столовую, куда раньше старался не заходить. Большая часть дружного коллектива «Алги» обедала там – исключительно по причине дешевизны. Я покупал то заветривший салат, то дрянной кофе, слушал разговоры, восстанавливал в памяти лица и имена сотрудников других отделов. Рейды в столовку особых плодов не дали. Лишь однажды две девчонки из юридического, стоя в очереди, жаловались друг дружке на нерадивого переводчика, задержавшего китайскую спецификацию по новому контракту. Прямо скажем, не густо. Я всерьез задумался, как же разведчики добывают свои секреты и тайны. Невероятная работа!

Служебные базы данных оказались закрыты наглухо.

Любой стратегический рывок – это в первую очередь серьезная подготовительная работа. Что называется, танцуют все! Доступ к информации – основа основ. Моего уровня доступа должно было хватать, чтобы увидеть хотя бы краешек нового проекта. Как бы не так!

Постепенно я набрался храбрости, чтобы пообщаться с Тэтчеровной напрямую. Задержался у нее после очередной вечерней планерки: чуть дольше остальных собирал портфель.

Жанна Темиртасовна с интересом наблюдала, как я достаю упавшую ручку из-под стула и собираю с пола разлетевшиеся записи.

– Всё хорошо, Дмитрий Александрович? – словно чуть подтрунивая, уточнила она.

Обращение по имени-отчеству в сложившихся обстоятельствах отдавало комизмом.

– Слышал, на подходе новая сделка, – полувопросительно сказал я. – Большой ввозной поток намечается? Надо бы оценить количество товарных позиций...

– От кого слышали? – В голосе Тэтчеровны неожиданно прорезалась сталь.

– В столовой, – пожал плечами я, – кто-то болтал, не помню.

– Вот и не стоит повторять чужую болтовню, Дима.

От того, что отчество опять куда-то делось, мне даже полегчало.

– Как скажете, Жанна Темиртасовна. Просто, если объемы планируются большие, то мне надо распределить...

– Не стоит повторять чужую болтовню, – снова перебила меня она. – Как только для вашего отдела появится существенная информация, вы первым об этом узнаете.

– Одна китайская компания разрабатывает софт, который не идет на пользу людям! – выпалил я и незамедлительно почувствовал, как краснеют уши. – Очень надеюсь, Жанна Темиртасовна, что «Алга» не вяжется в сомнительный импорт.

Теперь Тэтчеровна смотрела на меня в упор, внимательно. Как на экземпляр энтомологической коллекции, насаженный на булавку. Даже не могу сообразить, ответила ли она мне хоть что-то, прежде чем я оказался за дверью.

«Зерно сомнения! – подсказал мой воспаленный мозг. – Возможно, удалось посеять в ее душе зерно сомнения!»

По широкому коридору от лифта к кабинету Тэтчеровны следовала компактная группа посетителей: сухопарый невысокий китаец в темном костюме, длинноногая светловолосая девушка, слишком строгая для манекенщицы, так что, видимо, переводчица, и два лося из команды Шефа, сослуживцы Кайрата.

Кхонг Шин Сы вернулся в Алма-Ату!

Я сбавил шаг, а они так и перли навстречу, как товарный поезд. Китаец чиркнул по мне взглядом, но в выражении его глаз или лица ничего не изменилось.

– Господин Шин Сы! – Я изобразил максимальное дружелюбие и, кажется, даже радушно растопырил руки. – Вы снова приехали? Помните, мы встречались в «Рахат Паласе»?

– Он не говорит по-английски, – ледяным тоном сообщила блондинка.

Китаец деликатно улыбнулся мне как пустому месту. Телохранители жестко, но вежливо отодвинули меня с дороги. Какое-то время прошло на обочине коридора. Поезд ушел, лишь чуть подрагивают рельсы.

Да, я не знаю, как себя вести в сложившихся обстоятельствах. У меня нет ни опыта, ни навыка, ничего нет, чтобы повернуть катящееся колесо рутинатора хотя бы на один градус. Но всё равно буду пытаться сделать хоть что-то!..

Вот такие приблизительно мысли блуждали в моей голове всю дорогу до дома. Пафос и экзальтация. Гуля еще не пришла, Максимус тоже зависал в школе. Я побродил по пустой квартире из угла в угол, стукнулся ногой о стул.

Хотелось позвонить Кайрату, но мы строго договорились поменьше болтать по пустякам, особенно по мобильному. Хотя у меня же важная информация! Шин Сы опять приехал!

В тот миг, когда я уже протянул руку к телефону, он зазвонил сам. Высветился алма-атинский номер с одной недостающей цифрой.

Семь гудков, десять, тринадцать... В возвратившейся тишине я услышал, как громко и резво колотится мое сердце. Пожалуй, лучше присесть.

Снова задрезжал зуммер, телефон рывками пополз по столу в мою сторону. Я уставился на экран. Так не бывает! Ведь эсэмэска – это не звонок, отправитель виден всегда. Но не сейчас. Зияюще-пустая строка. Ни букв, ни цифр, ни завалыщей точки.

Сообщение состояло всего из одного слова.

«Угомонись».

V

Зима-весна.

Пять, четыре, т., д., о.

Мы встретились вечером в заранее условленном месте на Чимбулаке. Сорок минут от дома, нехилый крюк. Бикфорд подъехал следующей маршруткой. Мы долго кружили по открытой парковке в поисках Кайратова рыдвана, пока нам не поморгал фарами бордовый «Саманд» с киргизскими номерами.

– Откуда это чудо иранского автопрома? – поинтересовался Бикфорд, утрамбовываясь на переднее сиденье.

– Друзья друзей друзей одолжили, – охотно объяснил Кайрат. – Что нового?

Само собой сложилось, что он превратился в «руководителя проекта». Кайрат спрашивал, мы отвечали.

Наш золоторукий компаньон отчитался первым. Препарировав программу рутинатора, как вивисектор лягушку, Бикфорд снова и снова пытался разобраться в том, как она работает. Соблюдая меры предосторожности – лягушка выглядела ядовитой.

– В любом процессоре, – объяснил он, – есть нюансы, связанные с «железом» больше, чем с софтом. Ноль и единица – это же программистская выдумка, вы понимаете? Есть разность потенциалов в контрольных точках ниже или выше заданной планки, и всё. Система может работать как часы в плане исполнения алгоритма, заложенного кодом, но никто не в силах померить паразитные токи, остаточные напряжения, всю нецифровую, аналоговую составляющую. В допустимых пределах она никого не беспокоит, потому что для разработ-

чиков ноль – это ноль, а единица – единица. Но так бывает обычно, а у нас всё по-другому. Если честно, пацаны, я башку свернул, никаких новых идей. Может быть, это продукт машинной эволюции кода, такие опыты тоже проводятся. На одну задачу натаскивают конкурентные программы, устраивают им естественный отбор, дают видоизмениться в лучшую сторону. Через десять-двадцать итераций в коде не остается ничего человеческого, логика заменяется на стремление программы выжить. Только в «Рутинаторе» я и такого не вижу. Он просто не должен работать, вот и всё.

– Инопланетные технологии, – подсказал я, но шутка уже скисла.

Бикфорд не находил себе места. Малика, его подруга в Шеньжене – одноклассница или однокурсница, недавно уехавшая в Китай на стажировку, – прислала весточку. Новости встревожили и озадачили нас. По просьбе Бикфорда Малика попыталась связаться с «Хай Мун Инк.» – и ей кое-что удалось.

Мы раз пять подряд прослушали ее голосовое сообщение.

– Как ты мог прозевать звонок? – раз пять спросил Кайрат.

Бикфорд снова и снова пожимал плечами и разводил в стороны свои гигантские клешни.

«Бик! Где тебя носит, а? – Красивый грудной голос прорывается сквозь шелест электронных помех – а может быть, это шумит настоящий ветер и глушит звуки. – Смотри: я туда съездила. Прямо по адресу – как на сайте, где еще фотография фабрики и всё такое. Слушай внимательно и постарайся осмыслить: никакой фабрики там еще нет. Понимаешь? Есть фундамент, стены наполовину, всё в лесах, но через сетку видно – это то здание. Будет, когда достроят. Но тут еще полгода нужно, а то и год – даже при местных темпах. На въезде в квартал – шлагбаум. Проверяли документы, я показала им паспорт. Дура, да? В общем, не порадовала твоя специальная миссия. Больше не подставляй меня так, ладно? А то не по себе как-то. Всё, давай, целую! И мобильник с собой носи, ага?»

– Второй день не могу дозвониться, – глухо сказал Бикфорд. – «Ши-ши» да «нихао». Автоответчик. Лопочет что-то. Хоть бы по-английски дублировали.

Тут и я рассказал о визите к Тэтчеровне, встрече с Шин Сы и злополучной эсэмэске.

– Оба молодцы! – поставил диагноз Кайрат. – Мы же договаривались: не светиться, никак не проявлять интерес к теме.

– И как же проявлять, не проявляя? – Наставнический тон Чипа уязвил меня: тоже мне, резидент нашелся.

– Смотрите, короче... – проигнорировал мой вопрос Кайрат. – Кое-что накопалось на здешнего хаймуновца.

Он достал откуда-то из-под ног обычную картонную папку. «Дело номер» и всё такое. Я сидел сзади, пришлось сдвинуться на краешек сиденья, чтобы что-то рассмотреть. В тусклом свете «самандовской» лампочки на нас уставился среднестатистический казах – лицо круглое, глаза узкие, взгляд бесстрастный. Лет сорока или около того.

– Бахыт Бердиев, – представил нам незнакомца Чип. – Генеральный директор «Хай Мун Алматы», уже полгода как. До внезапного взлета работал на вещевом рынке, таскался в Урумчи, кое-как может объясниться по-китайски и по-английски. Своего жилья нет, снимает двушку в Медеуском районе, машины нет, счетов в банках нет.

– Зицпредседатель Фунт? – предположил Бикфорд, демонстрируя начитанность и проницательность.

– Ну, хоть двушку, – сказал я.

Кайрат перелистнул Бахыта Бердиева.

– «Хай Мун Алматы». Стопроцентная дочка китайского «Хай Муна». За полгода работы не заработала ни тенге. Только обустроивались. Бердиев снял офис в центре, взял в лизинг «Инфинити», нанял шофера из бывших ментов. Мебель не поленились из Европы привезти. Аренда капает, зарплату отчисляют, налоги платятся. Всё на широкую ногу. Деньги есть.

– Какие виды деятельности в уставе? – спросил я.

Чип пошуршал страницами.

– Оптовая и розничная торговля. Производство средств связи. Информационные технологии. Научные исследования. Прочие услуги. Хоть ракеты строй, хоть гвозди забивай.

– Здорово, – сказал Бикфорд. – И чем это поможет?

– Пока не знаю, – ответил Кайрат. – Когда регистрировали дочку, на фирму-маму предоставляли документы. В переводе, с апостилом, как положено. Все бумаги проверялись и заверялись Игорем. Как считаешь, мог он сознательно пойти на подлог? Не заметить чего-нибудь, пренебречь формальностями, дать ход подделке?

Вопрос адресовался мне.

– Сам, по своей воле – не мог, – уверенно сказал я. – Только я тоже в «Рахат Палас» не ездил, знаешь ли.

Живешь себе, живешь, строишь карьеру, учишься, стараешься. А потом всё рухнет к чертям в один день. Что тогда случилось, Игорь? Какую услугу ты оказал китайцу? Ты ли это был – или твой идеальный сменщик? Что за дела потащили тебя в Усть-Каменогорск? И чьи руки вывернули руль твоей тачки? Дублера – или ты это сделал сам, очнувшись от рутинатора и поняв, во что тебя втянули?

Глухая, отчаянная злоба чернильным сгустком собралась в груди.

Я сидел сзади. Чип и Бикфорд не видели моего лица. К лучшему.

Наша встреча на конспиративной парковке закончилась раздачей новых заданий, уточнением целей, уговором о способах связи. Всё по шпионскому канону.

Кайрат взялся развезти нас по домам. Бикфорд вышел первым, я пересел на его место.

– Чип, – спросил я. – Ты веришь, что можно на что-то повлиять?

Мы остановились на светофоре. Пронзительный красный свет залил салон. Всё сделалось нецветным, как в фотолаборатории.

Кайрат надолго задумался – или просто укладывал ответ в правильную словесную конструкцию. Он оторвал руку от руля, раскрыл ладонь, собираясь подкрепить слова убедительной жестикующей. Тут у него запищал телефон.

Бросив взгляд на экран, Чип удивленно приподнял брови:

– Сумку, что ли, забыл? У тебя под ногами ничего нет?

Я раздвинул колени, взгляделся в подножную темноту.

– Чего потерял? – спросил Чип в трубку, включая громкую связь.

– Кай, – странным голосом сказал Бикфорд. – Вы еще недалеко? Двигайте-ка назад и поднимайтесь ко мне.

Кайрат развернул «Саманд» через двойную сплошную.

Машину оставили за два квартала на параллельной улице. К дому прошли дворами. Кайрат натянул на глаза капюшон толстовки. Ноль-ноль-семь, чего там.

Отличная у Бикфорда была дверь. Ни глазка, ни ручки, ни обивки – стальная плита, метр в ширину, два в высоту, закрывала вход в квартиру.

Видя мое удивление, Кайрат прокомментировал:

– Бикфорд считает, что в эпоху вайфая и цифровых технологий замочная скважина – никому не нужный атавизм.

Из стальных глубин раздался звонкий щелчок, и дверь-плита подалась нам навстречу. Мы шагнули в неосвещенную прихожую. Что-то хрустело под подошвами.

– И пришли через окно, и ушли, – сказал Бикфорд. – Альпинисты, ...

Пройдя в единственную комнату, я огляделся. Да, три тысячи просмотренных боевиков и детективов приучили нас к виду помещения, где кто-то что-то усердно искал.

– Это ты... или тоже они?... – осторожно спросил я, показывая на кучу техногенного мусора посреди комнаты.

Бикфорд обернулся и посмотрел на раздавленную лицевую панель и искрошенную в пыль начинку моего бывшего смартфона.

– Ты, в принципе, говорил, что телефон пришлось слегка разобрать... – промямлил я.

– Ценю тонкий юмор, – ответил Бикфорд.

Он оставался спокоен – разве что выглядел чуть более задумчивым, чем обычно.

– Посмотрим, что успело закачаться, – компьютерщик раскрыл ноут, с которым не расставался даже в туалете.

Агрегат размером был чуть больше пудреницы. Пальцы Бикфорда – каждый накрывал при нажатии кнопки три сразу – неожиданно легко запорхали над клавиатурой. Со стороны казалось, что бедняга мучается тремором. Триста ударов в минуту, оценил я на глазок. С легким привкусом зависти.

Мелькали страницы сайтов, выпадали и сворачивались менюшки, загорались и гасли окошки паролей. Секунд через пятнадцать в кадре появилась комната, в которой мы находились, – но без нас. Да и порядка на экране было побольше, чем сейчас и в реале.

Я не стал спрашивать Бикфорда, зачем ему понадобилось вести скрытую съемку собственного жилья – может, как раз ради единственного подобного случая.

– Не знаете этих перцев?

В кадре сначала появились ботинки, потом ноги, потом спина ненадолго закрыла обзор. Еще пара ног – и вот уже двое парней, ничем не примечательные худосочные «пацаны с района» в надвинутых на лоб «балаклавах», рыскают по комнате, как акулы в аквариуме. Звука нет, и картинка так себе – но это к лучшему. Думаю, треск разбиваемой аппаратуры не доставил бы хозяину квартиры положительных эмоций.

– Ребята не с Турксиба, – уверенно сказал Кайрат. – Спиши мне их. Может, где в базах всплывут.

– Как они на меня вышли? – задал вопрос Бикфорд. – Как, ..., они на меня вышли?

– Например, по короткому звонку из Китая, – сказал я. – Малика тебе на обычный мобильник позвонила, да? Угадал? Тебе потом не приходила эсэмэска «Угомонись»?

Даже не знаю, почему меня всё время подмывало поддеть здоровяка. Нервное, наверно. Вела тропинка в темный лес.

– Мы же просчитывали варианты, – бубнил себе под нос Бикфорд, делая скриншоты особенно удавшихся кадров. – Если даже всех зомби под рутинатором можно привлечь к внеплановым работам, это не сделает из них суперменов... Менеджер или бухгалтер ко мне бы не влез.

– Кто помешает подсесть на рутинатор форточнику или домушнику? – пожал плечами Кайрат.

– Кажется, в наше умственное построение о том, кто что может, а чего не может, придется вносить коррективы, – сказал я. – Пятьдесят миллионов на кону. Никакого колдовства, никаких волшебных палочек. Многие задачи решаются банально за деньги.

– Это значит... – поймал идею Бикфорд, – что...

– Что нам надо сваливать, – жестко сказал Кайрат. – Утром, на свежую голову, будем думать, как и что дальше.

Не дожидаясь нашего ответа, он направился к дверям.

– Постой-ка, – прищурился Бикфорд, – ты сдрейфил, что ли? Куда подорвался-то?

Кайрат развернулся на каблуках.

– Ну и дурак! – воскликнул он. – Включи мозги досрочно, пошевели нейронами. Если вас уже запалили, то, значит, остался я один.

– Последний козырь в рукаве? – уточнил я.

– Last man standing, – полупрезрительно сказал Бикфорд. – Героя надо сберечь до финальных титров. Логика твоя понятна, выводы рациональны. Чао!

Он отвернулся к столу и принялся сгребать от края к середине мешанину проводов и микросхем, бывших недавно чем-то целым.

Кайрат жестом показал: «Пошли!»

Мне больше хотелось бы остаться с Бикфордом – хоть помочь прибраться. Но Чип был прав. Гаденько, тухло прав. Стоило поспешить.

Я исторг из себя неубедительное «До завтра!».

Бикфорд, не оборачиваясь, помахал пятерней.

– Надо было как-то поддержать его, – сказал я, когда мы добрались до машины.

До этого шли молча.

– Надо, – согласился Кайрат. – Но.

Увесистое «но» с точкой.

Двигатель сипло взвыл. К ночи похолодало до тридцати.

– Есть хочешь? – спросил Чип.

Город медленно погружался в сон, редкие окна затухали, как последние угли в костре. Лучи фар выхватывали из темноты кружева снежинок над блестящим асфальтовым льдом.

– И глянь-ка, что у нас за попутчик завелся.

Я нагнулся чуть вперед и рассмотрел в зеркале на дверце огни машины, следующей за нами.

– Уже четвертый поворот вместе, – сказал Кайрат.

Квадратные фары, сидят высоко. Джип или просто какой-то внедорожник.

– Пятый, – уточнил Кайрат, чуть прибавляя скорость.

– Тебе не кажется, что мы заигрались?

– «Заигрались»? – Кайрат, не отрывая взгляда от дороги, удивленно качнул головой. – Ты же сам сидел на этой дряни, Дима. Или я что-то путаю?

На развязке с круговым движением мы сделали почти полный круг. Квадратные фары по-прежнему маячили за кормой.

Я не знал, как сказать то, что хотелось, чтобы потом не стало стыдно. Пришлось промолчать.

Мы выехали на трассу. Кайрат так плавно наращивал скорость, что я заметил это уже на ста сорока. Позади нас чернела беспроглядная мартовская ночь. Как и не было никого.

– Либо показалось, – предположил Кайрат, – либо мы везучие, либо они и так всё про нас знают. Что выбираешь?

– Второе.

Я был благодарен ему, что не пришлось отвечать на предыдущий вопрос.

Чуть в стороне от дороги на заборе стоянки для грузовиков перемигивались елочные гирлянды. В придорожном мотеле на первом этаже светились окна кафе. Кайрат поставил машину в тень стадвадцатикубовой фуры с русскими номерами.

В пустом зальчике на пять столиков пахло сырой одеждой и лагманом. Сонная официантка уронила на стол два листочка меню и скрылась в подсобке.

– Что мы вообще затеяли, а, Чип?

Картина разгрома в квартире Бикфорда подействовала на меня сильнее, чем показалось сначала. Мы не сдвинулись с места, даже не определили, откуда исходит угроза, а по нам уже нанесен удар.

– Шашлык или супчику? – Мой воздушно-десантный друг явно пытался изобразить британскую невозмутимость.

А я уже ничего изображать не мог. Словно увидел нас со стороны: камера стремительно откатывается назад, и в центре кадра лишь освещенное софитами пятно. Два актеришки средней руки прикидываются спасителями мира, спорят, как одолеть Абсолютное Зло, обсуждают